

Дарья Донцова

Астральное тело холостяка

Агентмен сыска
Иван Подушкин

Джентльмен сыска Иван Подушкин

Дарья Донцова

Астральное тело холостяка

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Астральное тело холостяка / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2017 — (Джентльмен сыска Иван Подушкин)

ISBN 978-5-699-93058-6

С милым рай и в шалаше! Проверить истинность данной пословицы решила Николетта, маменька Ивана Подушкина. Она бросила мужа-олигарха ради нового знакомого Вани – известного модельера и ведущего рейтингового телешоу Безумного Фреда. Тем более что Николетте под шалаш вполне сойдет квартира сына. Правда, все это случилось потом... А вначале Иван Подушкин взялся за расследование загадочной гибели отца Дионисия, настоятеля храма в небольшом городке Бойске... Очень много странного произошло там тридцать лет назад, и не меньше трагических событий случается нынче. Сколько тайн обнаружилось в маленьком городке, едва Иван Подушкин нашел в вещах покойного батюшки фотографию с загадочной надписью: «Том, Гном, Бом, Слон и Лошадь. Мы победим!»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93058-6

© Донцова Д. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дарья Донцова
Астральное тело холостяка

© Донцова Д. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

«Если вы придете на первое свидание с кирпичом в руке, то девушка сразу поймет: у этого парня серьезные намерения – и выйдет за вас замуж...»

Обычно, находясь в машине, я слушаю классическую музыку, но сейчас, включая радио, явно не туда нажал пальцем, попал на какую-то другую волну, услышал сию странную фразу, произнесенную хриплым женским голосом, и пришел в изумление. Мое богатое воображение тут же развернуло такую картину: я вовсе не Иван Павлович Подушкин, а некая хрупкая дама, которая увидела, как к ней, разодетой в пух и прах, приближается мужчина с увесистым кирпичом... Что бы сделал я в данном случае на месте той красавицы? Ответ однозначен: немедленно скинул бы туфли на высоких каблуках и дал деру босиком. Мысль о свадьбе в мою голову уж точно не пришла бы. Но я уже не раз убеждался, что представителю сильного пола не дано понять ход мыслей прекрасной половины человечества.

– Кирпич-то при чем? – раздался из радиоприемника густой бас.

Интересно, что ответит ведущая?

– Ох уж эти мужчины... – защебетало меццо-сопрано. – Пословицу помните? Что должен сделать настоящий мачо?

– Не знаю, – признался ее собеседник.

– Построить дом, посадить дерево, родить сына, – перечислила балаболка. – Поэтому, если вы явитесь на свиданку с кирпичом, любая женщина сразу сообразит, что вы готовы возвести особняк. Так что, мальчики, имейте это в виду, если хотите добиться руки любимой. Уверю вас, прихватите с собой камешку – и ни одна из нас не устоит.

Лежавшая рядом на пассажирском сиденье Демьянка тихо заскулила. Я посмотрел на псину, покачал головой и не удержался от комментария, обращаясь к своей четвероногой спутнице:

– Ничего себе... Ведущей, пожалуй, следовало сказать: «Возьмите в одну длань кирпич, в другую саженец, а на шею повесьте табличку: «Я купил памперсы». Еще меня смущают слова, что мужчина должен «родить сына». На мой дилетантский взгляд, употребление в данном контексте глагола «родить» неверно. Даже при огромном желании ни у меня, ни у другого мужчины не получится произвести на свет ребенка. «Воспитать сына» – вот это возможно. И если уж говорить о камнях применительно к ситуации, то дамам больше понравился бы бриллиант размером с кирпич. Надеюсь, я не кажусь тебе занудой?

Демьянка, естественно, не ответила на мой вопрос, но внезапно вскочила, поставила передние лапы на «торпеду» и завывала. Я, во время своей речи отвернувшийся от лобового стекла, снова посмотрел вперед и – быстро нажал на педаль тормоза. Автомобиль резко остановился, меня бросило вперед, собака упала с сиденья. Я выпрямился и перевел дух. Хорошо, что у моей иномарки есть функция экстренного торможения, благодаря ей мне удалось не наехать на мотоцикл, который лежал прямо посередине дороги. Интересно, где его владелец?

Я вылез наружу и крикнул:

– Молодой человек! Господин байкер! С вами все в порядке?

– Нет, – донеслось из придорожной канавы.

Я занервничал, пошел на звук и увидел в овраге фигуру в защитном костюме мотоциклиста... ярко-розового цвета.

– Девушка, вам плохо? – испугался я.

Стоящий на коленях человек обернулся. У него была густая черная борода и усы, я ойкнул.

– Вот так шлушай, – сказал мужик.

– Простите, что? – не понял я.

– Шука! Шволошь! – орал байкер. – Шелюшь!

Я начал лихорадочно искать по карманам мобильный. Все ясно: у бедняги случился инсульт прямо во время движения, несчастный упал с мотоцикла, покатился в овраг, у него нарушена речь.

– Эй, куда жвонишь? – неожиданно довольно внятно произнес пострадавший.

– В «Скорую», – объяснил я. – Не волнуйтесь, вам помогут.

– Я ждоров! – отрезал байкер. – Прошто шелюшь потерял и ищу ее. Шделай милошь, помоги! Линжы выпали тоже, ни фи́га не вижу.

– Что вы потеряли? – не сообразил я. И услышал в ответ:

– Линжы и шелюшь. Эшклюжив.

Я спрятал сотовый. Так... Парень не болен, он просто странно разговаривает. Потерял линзы и что-то еще. Говорит – шелюшь! Что это такое?

– Видел, што шюда улетела, – шамкал незнакомец. – Шерт! Шерт! Ее делать што лет! А Шаши нет. Нет Шаши! Беж него не шделают.

И тут к оврагу с громким лаем подбежала Демьянка.

– Ой, шобака! – воскликнул байкер.

– Она не кусается, – предупредил я. – Демьянка добрая собака, просто лаять любит.

– Шам такой, люблю поорать, – засмеялся байкер.

Я увидел его открытый рот и сообразил:

– Челюсть! Вы потеряли вставные зубы!

– Шихнул, – продолжал веселиться мотоциклист.

– Чихнули? – уточнил я.

– Ага, – кивнул байкер. – От вшей души шихнул, и линжы ш шелюшьтю улетели в овраг. Найти не могу.

Я стал ворошить руками опавшие листья. Кстати, поясню: на дворе январь, но снег пока не выпал, погода скорее напоминает ноябрь.

– Шпашибо, – сказал байкер, роясь в сухих листьях.

Сколько времени мы пытались найти вставные зубы, сказать не могу, мне показалось, что вечность. В конце концов я продрог до костей. Человек, который ездит в машине, не носит теплые ботинки на толстой подошве и дубленку, посему на мне были тонкая кожаная куртка и замшевые туфли, неудивительно, что пальцы моих ног превратились в эскимо.

– Ах ты, шукин сын! – взвыл вдруг байкер. – Штервец-молодец! Дай, пошелую шобаку!

Я обернулся и увидел Демьянку – она отчаянно махала хвостом, держа в пасти зубной протез.

– Ура! – завопил байкер, выхватил у псины зубы и живо запихнул их себе в рот.

– Протез ведь грязный! – не выдержал я. – Его надо помыть!

– Где ты тут кран видишь? – захохотал мотоциклист.

– У меня в машине есть бутылка с водой, – сказал я.

– Уже поздно, – ответил мужик. – Микробы от грязи дохнут. У тебя суперпес, выручил меня. Прикинь, у меня такое строение челюсти, что протез сделать – жуткий геморрой. И мне нужен бриллиантовый.

– Бриллиантовый? – удивленно переспросил я.

Байкер оскалился. Я увидел, что два его клыка украшены сверкающими камнями, и закашлялся.

– Самая модная фишка сезона, – заржал байкер. – Я же ее брендовой сделал, для клинки Нинки старался. А она – стервятница. Бесплатную рекламу от меня получила, да еще идей корзину, и что? Урулила к Степану. Я в шоке! У тебя визитка есть? Давай сюда.

Я протянул незнакомцу карточку, тот со словами:

– Ну, я поехал! – запихнул ее в карман.

Прежде чем я успел вымолвить слово, байкер оседлал свой драндулет, водрузил на голову розовый шлем, украшенный черными перьями, завел мотор и – исчез за поворотом.

Демьянка разразилась лаем.

– Согласен с тобой, – кивнул я, – он забыл сказать нам «спасибо». Ладно, покатили домой, надеюсь, более никаких происшествий не случится.

В кармане затрезвонил мобильный, я вынул трубку и услышал приятное сопрано.

– Добрый день. Соболаговолите позвать к телефону Ивана Павловича.

– Слушаю вас, – ответил я.

– Вы господин Подушкин? Владелец частного детективного агентства? – уточнила дама.

– Именно так, – подтвердил я.

– Ваш телефон мне дал один человек, – продолжала женщина, – сказал, что вы можете.

У меня проблема, но не хочется обсуждать ее по телефону. Есть ли у вас, Иван Павлович, свободное время?

На данном этапе у меня клиентов не было, но я не стал признаваться в этом, ответил:

– Есть окно сегодня. В четырнадцать часов вас устроит?

– Прекрасно! – обрадовалась дама. И пояснила причину своей радости: – Смогу сегодня же домой уехать.

– Вы не москвичка? – насторожился я. – Извините, я не выезжаю в другие города. Простите, как вас зовут?

– Ох, забыла представиться... – смутилась собеседница. – Мое имя Екатерина Сидорова. Живу в области, это пятьдесят пять километров от столицы. Город Бойск. Слышали о таком?

– Не довелось, – признался я, выезжая на скоростную магистраль.

– Неудивительно, – вздохнула Екатерина, – у нас нет особых достопримечательностей, обычное поселение. Для вас это далеко?

– Нет, – ответил я.

– Значит, беретесь мне помочь? – снова обрадовалась женщина.

– Давайте сначала встретимся, и вы расскажете, что случилось, – предусмотрительно попросил я. – Приезжайте к двум часам.

Глава 2

Едва я вошел в квартиру, как в холле появился Борис и встревоженно спросил:

– Что с нашей девочкой?

– Великий ветеринар, к которому мы ездили, ничего не обнаружил, – сообщил я, – вынес вердикт: псина здоровее кабана.

Демьянка села, но тут же взвизгнула и вскочила на лапы.

– Но она не может сидеть! – воскликнул Борис. – Неужели доктор этого не заметил?

– Я обратил внимание эскулапа на сей факт, – вздохнул я.

– А он что? – спросил Борис.

Я снял ботинки и надел теплые домашние тапочки.

– Мы сделали узи, сдали все анализы и...

– И? – повторил Борис.

Я развел руками.

– Ничего. Организм Демьянки работает, как настоящие швейцарские часы, и псинка в идеальном состоянии с головы до пят.

– У собак нет пяток, – заметил мой секретарь.

– Демьянка здорова от носа до кончика хвоста, – усмехнувшись, поправился я. Затем поднял лежащий у вешалки мячик и бросил его в коридор.

Демьянка со всех лап кинулась за игрушкой, а я посмотрел на Бориса и развел руками:

– Больное животное так носиться не станет.

– Верно, – согласился помощник. – Собачка не может сидеть, ей дискомфортно.

– Врач предположил, что у Демьянки стресс после родов, – пояснил я. – Ветеринар дал телефон специалиста, который справляется с подобными проблемами, вот его визитка.

– Прямо сейчас позвоню, – засуетился Борис. И тут раздался звонок в дверь.

Я посмотрел на экран домофона, увидел весьма пожилую даму в темном платье с бесчисленным количеством украшений из жемчуга и удивился. Кто это? Почему на незнакомке нет верхней одежды? На улице ведь холодно.

– Вам кого? – спросил Борис.

– Вас, – ответил слегка искаженный домофоном голос.

Секретарь распахнул дверь.

– Добрый день, господа, – величаво кивнула старуха, вливаясь в холл, – я Эмма Эмильевна Розалиус.

– Очень приятно, – хором сказали мы с Борисом.

– Живу в квартире под вами, – продолжала дама.

– Да? – удивился мой помощник. – Вроде апартаменты принадлежат Николаю Сергеевичу Онуфину, а он постоянно обитает за границей...

– Это мой сын, – перебила его Эмма Эмильевна. – Со вчерашнего дня я ваша соседка и убедительно прошу не шуметь. Я профессор, работаю дома, пишу монографию.

– Иван Павлович тоже не любит кавардак, – вставил свою реплику Борис.

– Наденьте на ребенка носки! – потребовала Эмма Эмильевна.

– На какого ребенка? – не сообразил я.

– На вашего, – отрезала ученая дама.

– Иван Павлович холостяк, – пояснил мой секретарь, – у него нет детей.

– Отсутствие жены не означает отсутствия детей, – резонно заметила гостья.

Вдруг из коридора послышались грохот, звон, топот. В холл влетела взъерошенная Демьянка, таща в зубах игрушку.

– Крыса! – взвизгнула бабка. – О великие боги Олимпа!

– Она плюшевая, – объяснил я и попытался отнять у псины игрушечную мышь.
Демьянка ловко увернулась и унеслась.

– В квартире нет детей, – повторил Борис.

– Зато здесь живет пес, – заметила госпожа Розалиус, – что намного хуже малолетнего ребенка, у которого всего две ноги. У пса же их четыре, и все топают. Наденьте на него тапки. На бесшумном ходу.

– На кого? – опешил Борис.

– На вашего кобеля, – уточнила соседка.

– У нас девочка, – поправил я.

– Половая принадлежность источника шума меня не интересует, – хмыкнула дама, – просто устраните помеху моему творчеству.

– Сомневаюсь, что для собак выпускают домашнюю обувь, – протянул Борис.

– Существует магазин «Тихий дом», – заявила пожилая дама, – там приобретете нужное. Не желаю слышать топот! Я работаю! У вас есть два часа. Если по истечении сего времени мешающий мне дискомфорт не исчезнет, вызову Григория Алексеевича.

Высказавшись, Эмма Эмильевна развернулась и ушла, забыв попрощаться.

– Кто такой Григорий Алексеевич? – спросил я. – Боря, вы в курсе?

– Понятия не имею, – пожал плечами секретарь.

– Хм, есть, оказывается, на свете какой-то великий и ужасный Григорий Алексеевич... – засмеялся я.

– Некоторые люди с возрастом делаются чудными, – вздохнул мой помощник. – Ну как ей может досадить беготня Демьянки? В доме прекрасная звукоизоляция. И сейчас без пяти час, то есть ясный день, а не поздний вечер или ночь. Полагаю, что нам не нужно подчиняться приказу престарелой леди. Чего ради ехать в магазин «Тихий дом»? В это время мы имеем полное право даже работать перфоратором.

– Без пяти час? – опомнился я. – Мне пора, скоро клиентка появится.

– Идите, Иван Павлович, а я уберу осколки вазы, которую, похоже, кокнула Демьянка, – пригорюнился Борис.

– Почему вы думаете, что собака разбила какую-то вещь? – удивился я.

– Перед тем, как она ворвалась в холл, из коридора донеслись грохот и звон, – напомнил Борис. – Полагаю, это погибла напольная ваза, которая стояла у входа в ваш кабинет.

Я обрадовался:

– Серо-голубая пузатая бадья, на которой изображены не пойми кто с треугольными головами?

Борис пошел в коридор и сообщил оттуда, слегка повысив голос:

– Увы, да.

– Отлично! – заликовал я. – Сей предмет был приобретен Николеттой на благотворительном приеме, который ее закаятая подруга Кока устраивала для спасения австралийских зебр.

Борис вернулся в холл и удивленно спросил:

– А в Австралии живут зебры?

– Нет, конечно, – развеселился я. – Но это не смутило Коку. Она арендовала ресторан, созвала журналистов, разных знаменитостей, а также художников и скульпторов. Мало кому известные деятели искусств пожертвовали свои произведения, селебрити их купили, деньги передали в фонд спасения зебр Австралии, о мероприятии написали газеты-журналы. Звезды пришли на вечеринку, чтобы засветиться в прессе, живописцы-скульпторы преследовали ту же цель, Кока жаждала славы благотворительницы, это сейчас модно. Все гости остались довольны, а что чувствуют зебры, никто не знает. Николетта приобрела на редкость уродливую вазу. Поставить ее у себя в особняке маменька не пожелала, но и выбросить «красоту» рука у нее не поднялась. И что она сделала?

– Подарила ее сыну, – усмехнулся Борис.

– В яблочко! – кивнул я. – На беду, день моего рождения пришелся на следующий день после мероприятия, и моя добрая матушка торжественно вручила мне вазу со словами: «Ваня! Это уникум, работа великого Родена, специально для тебя ему заказывала».

– Разве француз ваял вазы? – удивился Борис. – Я всегда считал его скульптором. И Франсуа Огюст Роден скончался в начале двадцатого века.

– Вы во всем правы, – сказал я. – Но объяснять такие тонкости, как и вообще что-либо, Николетте не стоит. Естественно, мне пришлось взять презент и рассыпаться в благодарностях. Я поместил вазу именно в коридоре в надежде, что она вскоре разобьется.

– Давно заметил: чем страшнее вещь, тем дольше она служит хозяину, – хмыкнул Борис. – Но в конце концов «красавица» завершила свой земной путь.

– Чрезвычайно рад сему обстоятельству, – улыбнулся я, сняв с вешалки куртку. – Все, мне пора в офис.

Глава 3

– Моего отца Игоря Семеновича Сидорова убили, – заговорила потенциальная клиентка, усаживаясь в кресло, – а местные сыщики этого не признают. Сначала они даже заикнулись, что произошло самоубийство. А это категорически невозможно, суицид исключен. У меня нет претензий к начальнику полиции Бойска, он хороший человек... Ох, забыла сказать: мой папа был настоятелем местного храма, его второе имя отец Дионисий. Так что суицид исключен. И в случайную смерть я не верю. Но понимаете, у главного полицейского нашего околотка есть вышестоящее руководство, и вот оно из всех сил пытается представить кончину священника как несчастный случай. Почему? Не хотят шума. Извините, я, наверное, путано говорю. Очень нервничаю...

Я внимательно слушал посетительницу, возраст которой оказалось трудно определить. Лицо Сидоровой было без морщин, но одежда никак не подходила молодой женщине – на Екатерине длинное, почти до пят, темно-серое, смахивающее на балахон платье, застегнутое у горла на пуговицы. Волосы ее уложены в прическу, которую любят балерины и артистки цирка, то есть собраны в тугий пучок на затылке. Ни украшений, ни косметики. И куртка, которую она сняла в прихожей, самая простая. И ботинки на плоской толстой подошве.

- Самоубийство исключено, – повторила клиентка.
- Почему полиция решила, что это суицид? – спросил я.
- Сейчас объясню подробно, – пообещала Екатерина.
- Весь внимание, – кивнул я и стал слушать ее неторопливый рассказ.

...Тридцать лет назад подмосковный город Бойск был селом, в котором проживало несколько старух. Существовали они благодаря работающей в деревне церкви – одна стояла у свечного ящика, другая служила уборщицей, третья крутилась в трапезной. Денег бабульки имели копейки, но они кормились при храме и были довольны судьбой. В пяти километрах от Бойска работала еще одна церковь, где служил совсем юный батюшка, так вот там прихожан было больше. В советские времена посещение богослужений не приветствовалось, но местным верующим было наплевать на негодование коммунистов, они постоянно ходили на службу к молодому священнику в деревню Марково. А храм в Бойске посещали единицы. Там настоятелем служил старенький отец Владимир, которому давно пора было на покой. Жил отец Владимир бедно, детей не имел. Жена его, матушка Ирина, прекрасная хозяйка, вставала в четыре утра и сама управлялась с коровой, козой, курочками, огородом и оранжереей.

Почему церковь в Бойске, где в воскресенье на литургию собиралось от силы пятнадцать человек, не закрывали, не знал никто. Но храм работал. Облачение отца Владимира изрядно истрепалось, из экономии батюшка не зажигал электричество, служил при свечах, коих горело мало. Зимой в церкви стоял холод – котельная работала на угле, а он был дорогой, поэтому практически не топили. Но благодаря матушке Ирине священник не голодал. Местные старухи и нищие могли пообедать в трапезной, там всегда были горячий суп и хлеб.

В одно дождливое осеннее утро матушка попросила мужа пойти в храм в резиновых сапогах. Но отец Владимир отказался, сказал, что нельзя вести службу в непотребном виде, и, как всегда, обул свои единственные черные ботинки на тонкой подошве. Во дворе церкви образовалась огромная лужа, батюшка промочил ноги и два часа стоял на каменном полу в мокрой обуви в едва топленном помещении. Отцу Владимиру исполнилось тогда семьдесят лет, видно, организм его был ослаблен. На следующий день он слег с воспалением легких, а через неделю умер. Отпевать его приехал молодой священник из церкви, что в деревне Марково, куда ходила основная масса местных прихожан. После похорон он сказал матушке Ирине, что власти из всех сил пытаются закрыть храм в Бойске и скорей всего им это удастся.

– Что будет дальше, ума не приложу, – горевал настоятель. – Отца Владимира нет, меня куда-нибудь переведут. Останутся наши прихожане никому не нужны.

Назавтра матушка Ирина неожиданно уехала в Москву, чем безмерно удивила односельчан – на их памяти она дальше деревни Марково не каталась. Отсутствовала вдова неделю, а когда вернулась, обрадовала всех новостью: в Бойск вот-вот приедет новый священник, совсем молодой, недавний выпускник семинарии. И вскоре на самом деле появился отец Дионисий. Прибыл он не один, а с младенцем, девочкой Катей, нескольких месяцев отроду. Местные старушки начали шептаться. Где мать ребенка? Почему батюшка приехал только с дочкой? Отчего сразу не стал служить, а сидит в избе? По какой причине матушка Ирина не освободила приходский дом для нового настоятеля?

Дней через десять старейшая жительница Бойска Матрена Филипповна Реутова постучалась в избу к матушке Ирине и без особых церемоний поинтересовалась:

– Объясните нам, как дальше жить: ездить в Марково или ждать, пока отец Дионисий на службу соберется? Уж которое воскресенье мы без исповеди и причастия.

– Не шумите! – строго заговорила вдова. И пояснила: – Заболел отец Дионисий, с температурой свалился. И дочка его захворала. Грипп у них тяжелый.

– Жена-то его куда подевалась? – не справилась с любопытством Матрена.

– В родах умерла, – печально ответила матушка Ирина, – остался отец Дионисий один с младенцем на руках. Он поправится и начнет служить. А я ему с Катюшей помогу.

Отец Дионисий действительно встал на ноги и приступил к работе. Матушка Ирина стала заботиться о преемнике отца Владимира и о девочке.

Весной в храм, что в Маркове, во время службы ввалились пьяные парни с автоматами и расстреляли прихожан, убили батюшку. Уходя, бросили в алтарь гранаты. Ветхое здание церквушки развалилось от взрывов. Преступников быстро вычислили, оставшиеся в живых прихожане в один голос говорили следователю:

– Это братки Митьки Косого. Он хотел венчаться, а батюшка ему отказал, пояснил: «Великий пост идет, надо подождать». Бандит обозлился, заорал: «Иди бубни, что надо, а то хуже будет, плевать мне на твой пост». Настоятель снова про то, что не может обряд совершить. Косой взбеленился и вон чего устроил.

Церковь в Маркове не восстановили, и люди стали ходить в Бойск. Отец Дионисий оказался весьма предприимчивым, у него были в Москве знакомые богатые бизнесмены, которые щедро жертвовали деньги на храм. Потом неподалеку от деревеньки одна крупная иностранная фирма построила завод по производству шоколадок.

Через десять лет некогда убогое село стало не узнать, Бойск превратился в симпатичный городок. Церковь отремонтировали, купола засияли новой позолотой, прихожан стало много. Матушка Ирина по-прежнему вела хозяйство отца Дионисия, воспитывала Катю и преподавала в воскресной школе. А батюшка, в миру Игорь Семенович Сидоров, основал культурный центр. Сейчас его посещает много детей и взрослых, для них работают разные кружки: пения, танцев, кулинарии. Священник помогал ребятам из неблагополучных семей, во время каникул всегда открывал для них что-то вроде лагеря. При храме работал кабинет помощи, где сидел психолог, с которым могли обсудить разные проблемы как прихожане, так и неверующие. Благодаря отцу Дионисию церковь стала очень популярна, она являлась местом, куда шли в горе и радости. К сожалению, матушка Ирина скончалась, но она застала расцвет Бойска и сказала незадолго до кончины своей воспитаннице:

– Увижу в Царствии Божьем отца Владимира и расскажу ему, кого Господь для укрепления нашего храма послал, береги своего отца.

Катенька вышла замуж за приходского старосту, у нее трое детишек. Но молодая женщина не просто домашняя хозяйка, она помогала отцу, заведовала воскресной школой, вела кружки.

И все шло хорошо до того дня, как отца Дионисия нашли мертвым у подножия колокольни. Эксперт недолго думая объявил: это самоубийство. Но никто из прихожан его словам не поверил. Глубоко верующий священник не мог покончить с собой! Возмущенный народ, не согласный со скоропалительным выводом криминалиста, толпой отправился в полицию и потребовал дополнительного расследования. Патологоанатому велели еще раз осмотреть тело, и он вынес вердикт: у отца Дионисия случился инсульт. В момент мозгового удара священник, находившийся на колокольне, пошатнулся и упал вниз. Суицида не было, произошел несчастный случай, батюшку можно отпеть.

Народ успокоился, отплакал на похоронах. Но у Кати в душе росло беспокойство, а в голове роились вопросы. Зачем папа полез на колокольню, да еще поздним вечером? Что он там делал? Связано ли это с приходом мужчины, который посетил батюшку незадолго до его смерти?..

– Вас удивило, что к отцу Дионисию кто-то заглянул? Он не любил гостей? – уточнил я, перебив рассказчицу.

– Гости... – протянула Екатерина. – Дверь в нашем доме не закрывалась. В те годы, когда еще не появилась мобильная связь, прибегали, если позвонить требовалось. Например, заболел кто и надо «Скорую» вызвать. У батюшки же телефон имелся, его еще отцу Владимиру поставили. Да и вообще, если чего надо, люди обращались к отцу Дионисию. К нему шли за утешением, советом, поддержкой, благословением. Короче, не зарастала тропа к дому батюшки, он никому не отказывал. Пока матушка Ирина жила, она регулировала поток страждущих. Отец был прозорлив, и если что-то кому-то советовал, лучше было его послушаться. Те, кто поступал наперекор, потом горько раскаивались. Папа знал прошлое, видел будущее.

– Обладал экстрасенсорными способностями, – уточнил я.

Екатерина перекрестилась.

– Нет! Упаси вас Бог считать отца Дионисия колдуном, ведьмаком. Он просто смотрел на человека, и перед ним открывалась вся его жизнь. Как-то раз к нему подошла прихожанка, попросила обвенчать ее. Папа спросил, кого девушка выбрала в спутники жизни, помрачнел и посоветовал ей: «Подожди пару лет». – «Почему?» – удивилась она. – «Просто подожди, – повторил отец. – Ты мне объяснила, что познакомилась с суженым в Интернете. Не следует бежать под венец, не узнав мужчину как следует. Куда ты торопишься? Венчание ответственный шаг. Пообщайся с женихом подольше. И не оформляй пока брак в загсе, не живи с ним до свадьбы вместе. Нет тебе моего благословения». А девушке очень хотелось замуж, и она, не послушав батюшку, пошла подавать заявление. Но осуществить задуманное не удалось – по дороге в загс невеста упала, сломала обе ноги, очутилась в больнице.

– Бывает такое, – кивнул я. – У некоторых людей хорошо развито предчувствие, ваш папенька ощутил...

– Вы не дослушали, – остановила меня клиентка. – Жених услышал от доктора, что невесте предстоит долго лечиться, вероятно, она останется хромой, и бросил ее. Девушка через пару лет вышла замуж за врача, который ее лечил, и вскоре узнала шокирующую новость: бывший жених расписался с другой, а через шесть месяцев после свадьбы убил свою супругу в припадке ревности, парень оказался душевнобольным. Выходит, мой отец уберег свою прихожанку от великой беды. Так вот, собственно, о гостях в доме папы. Матушка Ирина пыталась сдерживать поток посетителей, но у нее плохо получалось. После ее смерти роль Цербера стала исполнять я. Прежде всего я повесила на дверь объявление: «Отец Дионисий принимает страждущих во вторник и четверг, с часу дня до пяти вечера. Убедительная просьба записаться заранее и в другое время батюшку не беспокоить». Народ сначала возроптал, люди привыкли в любой момент священника дергать. Но потом все успокоилось, стали приходить по записи. Моя изба стоит напротив отцовской. Десятого ноября я ушла от папы в девять вечера, попросив его дверь за мной запереть. Вернулась к себе, стала посуду мыть. На кухне у нас окно, я

тарелки вытирала и нет-нет да смотрела на улицу. А там, прямо около калитки, горел большой фонарь, я хорошо видела двор папы и вход в его дом. И в какой-то момент заметила, что на крыльцо поднялся молодой мужчина, отец его впустил. Я разозлилась, хотела пойти и выгнать непрошеного гостя. Еще подумала, помню, что некоторые люди на редкость эгоистичны и бесцеремонны, вот надо ему, и все тут... Но заплакал младший сын – упал, нос разбил, и я к ребенку кинулась. А когда снова в окно посмотрела, увидела, что отец с тем парнем уже по улице идут в сторону храма. Я их спины видела. Отец в своем старом пальтишке и в скуфейке¹. И тогда в голову мне пришла мысль: это, наверное, Паша Ветров к папе прибежал. У него отец сильно заболел, грипп подцепил, и, видимо, Филиппу Петровичу совсем плохо стало, вот сын к батюшке и поспешил. Ой, мне так стыдно стало, что я разозлилась! Пошла поэтому Трехканонник² читать. А утром папу у колокольни нашли.

¹ Скуфейка – черная шапочка, повседневный головной убор православного священника, монаха. – *Здесь и далее примечания автора.*

² Трехканонник – молитва, три канона: покаянный Спасителю, молебный Пресвятой Богородице и Ангелу-хранителю.

Глава 4

– Вы рассказали полиции про гостя? – спросил я.

Екатерина кивнула.

– С Павлом беседовали? – продолжал я.

Сидорова расправила на коленях юбку.

– Да. Ветров к батюшке не заглядывал. Филипп Петрович жив-здоров, грипп у него прошел. Перепутала я. Меня кожаная куртка того парня в заблуждение ввела, у нас только Паша такую носил.

Я встал и включил кофемашину.

– На мой взгляд, все мужские кожаные куртки одинаковы. Или она была ярко-розовая, в перьях?

По лицу Екатерины скользнуло подобие улыбки.

– Нет. Но она необычная: на спине выложены блестящими камушками череп и кости. Когда парень на крылечке стоял, на аппликацию свет от уличного фонаря упал, и она ярко заискрилась. Павел работает в охране коттеджного поселка. Там вахтовый метод: трое суток он у шлагбаума дежурит, отдыхает в каптерке, а потом два дня дома. Когда я впервые у Ветрова эту куртку увидела, то не удержалась, сделала замечание: «Ну и ужас ты купил! Лучше не носи такое». А Паша в ответ: «Что бы ты, Катюха, понимала... Сама-то одеваться не умеешь, наряжаешься, как старуха. Это самый модный прикид, от очень дорогого дизайнера. Моих денег не хватит купить даже пуговицу от такой куртки. И в России его изделия не продаются, только за границей». Я ему не поверила, знала, что Павел приврать любит: «Да ну? И где же ты этот эксклюзив раздобыл? В Париж слетал?» Ветров зубами скрипнул: «Нет. Мне шмотку отдал парень из поселка. Он богатый, в деньгах купается». Вот тут мне совсем неприятно стало.

Екатерина замолчала. Я поставил перед ней чашечку кофе.

– Выпейте, я сделал вам капучино.

– С молоком? – уточнила посетительница.

– Со сливками, – ответил я.

– Простите, сегодня среда, день постный, – отказалась Катя.

– Вы в данный момент путешествующая, – улыбнулся я, – вам можно. А почему вы расстроились, когда услышали про подарок?

Сидорова отодвинула от себя чашку.

– Паша мечтает о красивой жизни и очень завистлив. Если смотрит телевизор, обязательно скажет: «Вот почему у этого артиста все есть – и бабло, и слава, и на экране он мелькает постоянно? Я, между прочим, лучше пою, а ничего не имею». Ему нравятся девушки, но не наши, местных он презирает. Ветров ездит в Москву, по клубам ходит, пытается познакомиться с богатыми-знаменитыми, но они на него внимания не обращают. Как-то раз одна из тех, к кому парень приставал, прямо ему заявила: «У входа в клуб стоит твоя шикарная иномарка? В кошельке у тебя золотая кредитка? Конечно же, нет. А я с нищими не знакомлюсь. Да ты так одет, что рядом стоять стыдно!» Павел распереживался, прибежал к моему отцу за советом, не исповедовался, просто интересовался, как ему себя вести, чтобы фифы на него внимание обращали. Сидели они на кухне, а я в соседней комнате белье гладила и разговор слышала. Папа мой ему объяснил: «Не смотри в чужой огород, в своем урожай собирай, вон сколько у нас молодых прихожанок, замуж любую взять можно. Но до того, как под венец пойти, учись, Паша. И на работу хорошую устраивайся».

Екатерина махнула рукой.

– Не в коня корм, не послушал парень совета. Через неделю Филипп Петрович примчался: «Отец Дионисий, спасите! Пашку в Москве в магазине за кражу арестовали. Посадят

ведь идиота, всю жизнь парню сломают... Сделайте что-нибудь!» Папа в столицу поехал, ночью с Павлом вернулся. Мне потом рассказал, что случилось. Ветров решил красиво одеться и пошел в дорогой магазин. Набрал разных вещей, мерил их, мерил, и так продавщицу запутал, что та забыла, сколько рубашек-брюк у покупателя в кабинке. А Ветрову только того и надо. Он срезал ценники, натянул новое, поверх надел свое и пошел на выход. Не подумал, дурачок, что в примерочных кабинках камеры стоят.

– Разве разрешено устанавливать видеоаппаратуру в зонах, где люди раздеваются? – удивился я.

– Не знаю, – пожала плечами Сидорова. – Но в том магазине видеокамеры имелись. Отец еле упросил управляющего не губить Павлу судьбу, сошла ему кража с рук. А вскоре после того случая Ветров сказал, что куртку ему подарили. Вот у меня нехорошие мысли и возникли: может, это не презент? Что, если он сам чужую вещь взял? За несколько месяцев до смерти папы Ветров пристроился в ресторане петь. Голос у него и правда хороший, если б ему позаниматься, толк бы вышел, но учиться он не желал. На легкие деньги польстился – в кабаке ему посетители купюры на сцену кидают. Я это все вот к чему рассказала: в день, когда отец погиб, Паша работал, с десяти вечера до шести утра пел в ресторане.

Я убрал со стола чашку с капучино и поставил на ее место другую с обычным кофе.

– Откуда вам это известно?

– Ветров сказал, когда я стала интересоваться, зачем он к отцу Дионисию поздно вечером прибегал, – пояснила Екатерина.

Я молча смотрел на молодую женщину. Хм, либо воришка Павел соврал дочери священника, либо к батюшке заглянул другой человек, который стал последним, кто видел отца Дионисия живым.

– Папу убили, – продолжала тем временем Сидорова. – Он не мог прыгнуть с колокольни. Его столкнули. Самоубийство невероятный грех, ни один верующий его не совершит, тем более священнослужитель! Даже если на секунду представить... что... Нет-нет, это невозможно! Но если все же предположить... В общем, отец никогда бы не сделал этого за две недели до закладки камня купальни.

– Простите, о чем вы? – удивился я.

Екатерина сделала глоток кофе и выложила мне новую историю.

...Среди прихожан отца Дионисия есть замечательная женщина, Фаина Леднева. Она учительница младших классов, очень любит детей, но своих у нее нет, Господь ей ребенка никак не давал. От сорокалетней Фаи ушел муж, но она не впала в отчаяние, полностью посвятила себя ребятам из неблагополучных семей. Зарплата у сельского педагога небольшая, да только трудолюбивый человек, живя на земле, никогда не останется голодным и раздетым. Фаина держит корову, коз, кур, поросят, выращивает овощи, у нее много плодовых деревьев. Учительница читает книги по садоводству-огородничеству, действует по науке, поэтому получает большой урожай, часть которого продает на базаре. Леднева, как говорили когда-то, «зажиточная», но ее богатство от умной головы и невероятного трудолюбия. Деньги Фаина не копит, тратит их на ребятишек, которым не повезло – родились у алкоголиков или наркоманов. Леднева покупает им одежду, кормит-поит, доводит их, так сказать, до ума.

Два года назад Фая взяла под свою опеку Наташу Панину, мать которой всю беременность пила, курила, глотала всякие таблетки. Стоит ли удивляться, что девочка родилась больной? Ната еле-еле ходила, опираясь на костыли, вечно сидела голодная, выслушивала от «ласковой» мамочки бесконечные попреки типа: «Досталась мне уродка, корми теперь ее...», терпела побои. Фаина забрала Наташу к себе, начала с ней заниматься. Малышка научилась читать, писать, стала получать заслуженные пятерки. Этого мало – Леднева очень хотела поставить Нату на ноги в прямом смысле слова. Но все врачи, которые осматривали девочку, в один голос твердили:

– К сожалению, ничем помочь не можем, эта болезнь не лечится.

Фаина глубоко верующая, поэтому она регулярно приводила Наташеньку в церковь, научила девочку молиться.

Два года назад в дом к Ледневой постучалась старушка, попросилась переночевать. Фаина впустила ее, стала расспрашивать, куда она путь держит, почему идет одна пешком.

Бабушка, ее звали Олимпиада Михайловна, сказала, что у нее большие проблемы со здоровьем. Она работает в монастыре в трапезной, и недавно мать-настоятельница, видя, как плохо поварихе, посоветовала ей съездить в город Бойск. Там, мол, есть церковь, а за ней в лесу родник целебный. В начале девятнадцатого века в том бору глухой мальчик-пастух нашел на земле икону, поднял ее и увидел, как в этом месте забила вода. Подросток умылся и обрел слух. До революции там стояла часовенка, много народа приезжало к целебному источнику. Коммунисты разрушили часовню, а сам ключ закидали камнями, завалили мусором. Надо расчистить святое место, искупаться в воде, и недуг уйдет. Олимпиада послушала настоятельницу и отправилась в дорогу. До Бойска добралась на электричке, а на автобус денег у нее не хватило, пришлось шагать пешком.

Наутро Фаина, Наташа и Олимпиада Михайловна пошли искать место, где мог находиться источник. И довольно быстро его обнаружили – в лесу на самом деле были развалины какой-то небольшой постройки. Местные жители о них знали, но почему-то считали, что это руины дома жившего там давным-давно управляющего барским имением, которое хорошо сохранилось (в советские годы в нем сделали дом отдыха).

Учительница и старушка начали разгребать завал, Наташа пыталась им по мере сил помочь. Понятно, что за один день с такой задачей не справиться, поэтому странница поселилась у Ледневой. Через месяц женщины расчистили родник. Олимпиада Михайловна стала в нем купаться, а Фаина велела окунаться Наташе. Через полгода случилось чудо – и повариха, и девочка поправились.

– В это верится с трудом, – пробормотал я.

Екатерина улыбнулась.

– Да, скептики так говорят. А еще добавляют: «Наверное, бабка и не болела вовсе, внешне-то не видно, что у нее с печенью». Да, не видно. Но Наташа-то ходит! Нет, бегаёт! Наш врач ахнул, когда девочку увидел, и вымолвил только одно: «Чудо!»

Я молча слушал Екатерину. Не уверен, что эскулап из Бойска отличный доктор, он просто поставил неверный диагноз.

– Девочку возили на консультацию в Москву? – задал я резонный вопрос.

– Нет. Зачем? – удивилась Сидорова. – Фая, правда, хотела ее столичному врачу показать, но для бесплатной консультации нужна бумага. А ее главный врач поликлиники не дал, заявил Ледневой: «Количество направлений ограничено». Николай Сергеевич мне объяснил: «Наталя Панина безнадежна, ей никогда на ноги не встать. Дам направление ребенку, которому нельзя помочь, и отберу шанс стать здоровым у малыша с излечимой болезнью». Я верю Николаю Сергеевичу, он опытный врач. «Если вы так за Панину переживаете, то можете отвезти ее в Москву за свой счет, положить на обследование в частную клинику. Только услышите там все тот же вердикт: безнадежна». И откуда Фаине деньги на медобслуживание в коммерческой больнице взять? Леднева узнала, сколько там стоит один день пребывания, и чуть в обморок не рухнула. Наташа после купаний выздоровела. Это точно.

Екатерина несколько раз перекрестилась.

– Чудо... Чудо... Чудо...

Потом помолчала немного и продолжила:

– Народ потянулся к роднику. Кто ни попьет, всем лучше делается. Отец Дионисий воду освятил, и решили возводить купальню. Начали деньги собирать. На двадцатое ноября назначили день закладки первого камня. Папа разработал церемонию, готовился к приезду гостей.

Даже наш мэр обещал прибыть. Мы все жили в предвкушении праздника. И вдруг... Отец Дионисий решил прыгнуть с колокольни? Да как в такое можно поверить?

Я посмотрел на раскрасневшуюся клиентку.

– В начале разговора вы сказали, что местный эксперт изменил свое мнение, сообщил: отец Дионисий упал вследствие инсульта.

Екатерина поморщилась.

– Да. Поэтому папу отпели и упокоили так, как положено хоронить церковнослужителей. Но через день после похорон Леонид, судебный врач, напившись до положения риз, растрепал своей жене и ее подруге, что переделать заключение ему велело начальство, а на самом деле отец Дионисий самоубийца. И полетели по Бойску сплетни. Но я точно знаю: отца силой отвели наверх и столкнули.

– Откуда у вас такая уверенность? – осведомился я.

– Папа очень боялся высоты, – нехотя призналась Екатерина, – он даже на стремянке не мог стоять, от страха колени подламывались. Как-то мы с прихожанами совершили паломническую экскурсию в Звенигород, в Саввино-Сторожевский монастырь. Там такая красота! Благодать! Обратно ехали через Москву, у нас был автобус нанят. Водитель очень приятный попался, он предложил: «Давайте подвезу вас к смотровой площадке на Воробьевых горах, а? Все равно ведь мимо покатым. Оттуда шикарный вид, сделаете фото». Все обрадовались. И что получилось? Отец к ограждению приблизился... и вдруг посерел, за меня схватился, шепчет: «Доченька, уведи меня поскорей, но тихо». Еле-еле ноги передвигать мог, такой его ужас охватил, когда вниз посмотрел. Хотя, на мой взгляд, там совсем не страшно, да и парапет высокий. Вот скажите, Иван Павлович, вы на колокольню когда-нибудь лазили?

Я покачал головой. А Екатерина пояснила:

– Наверху очень маленькая площадка, открытая, создается ощущение, что на облаке стоишь. Отец туда никогда не поднимался. Я уверена: убили моего папу. Специально на башню завели и сбросили, чтобы опозорить, самоубийцей выставить.

Глава 5

– Лишить себя жизни невероятный поступок для священнослужителя и вообще для любого истинно верующего человека, – произнес Борис, узнав от меня подробности беседы с новой клиенткой.

– История церкви знает случаи добровольного ухода священников из жизни, – возразил я. – Хочу завтра съездить в Бойск. А вас попрошу выяснить все что можно об Игоре Семеновиче Сидорове. Он же не сразу стал отцом Дионисием. Что случилось с его супругой? От чего она скончалась? Екатерина сказала, что ее мать умерла в родах. Но давайте найдем точную информацию.

– Нет проблем, – кивнул Борис.

– Как Демьянка? – перевел я разговор на другую тему.

– Бегаёт, веселится, ест, спит, – отрапортовал секретарь. И тут же добавил: – Но сидеть не может. Сразу взвизгивает и встает. Хочу завтра показать ее обычному врачу.

– Я водил псинку к профессору, – напомнил я.

– Иногда простой доктор видит то, чего не замечает академик, – вздохнул Борис. – Так-то она бойкая. И аппетит у нее, как у Гаргантюа.

Словно в подтверждение его слов, собака с оглушительным лаем кинулась в холл. И через секунду раздался звонок в дверь.

– Вот всегда Демьянка заранее человека чувствует, когда тот еще на лестнице, – усмехнулся Борис и ушел в коридор.

Я остался в кабинете, открыл книгу, но погрузиться в чтение не удалось. Дверь комнаты резко распахнулась, ударившись о шкаф со справочниками.

– Привет! Принес подарок, – объявил громкий голос.

Я повернул голову и увидел байкера. Да-да, того самого, который потерял на дороге челюсть. На сей раз он был наряжен в ослепительно зеленые бриджи и красный пуловер. На ногах у него были носки в желто-черную полоску, на шее висело штук десять цепей, на запястьях дребезжали браслеты. Волосы у него стояли дыбом, на шее чернела татуировка – то ли дракон, то ли динозавр, в руках неожиданный гость держал коробку.

– Мерзкая дрянь! – проорал байкер. – Неблагодарный мэн! Таких надо давить, как тараканов. Хрясь – и нету!

– Иван Павлович, – запричитал из коридора Борис, – я его не впускал, объяснял, что господин Подушкин принимает в офисе. А сей господин меня отодвинул, сказал, что получил от вас адрес, является вашим другом...

– Все в порядке, мы знакомы, – остановил я помощника. И обратился к байкеру: – Но, простите, я не знаю вашего имени...

– Моего? – изумился гость.

Я кивнул и пояснил:

– На дороге не успел спросить, дал вам свою визитку и...

– Ты меня не узнал? – с неподдельным удивлением спросил байкер.

– Нет. А должен? – в свою очередь изумился я.

– Во даёт! – засмеялся мотоциклист и повернулся к Борису. – Эй, мужик! Скажи своему хозяину, кто я.

Секретарь отвел взгляд в сторону.

– Простите, но я вас впервые вижу.

Байкер положил коробку на диван и хлопнул себя руками по бедрам.

– Шутите, да? Меня невозможно не узнать!

Мы с Борисом переглянулись.

– Я Безумный Фред, – наконец-то представился гость. – Ну, сообразили?

– Добрый вечер, Безумный Фред, – заулыбался я, – рад знакомству. Что привело вас в мои пенаты? Как нашли адрес? На карточке его нет.

– Дерьмо вопрос, – махнул рукой гость, – я позвонил одному своему клиенту, тот и выдал всю инфу на тебя. По имени-фамилии все выяснил. Скотина глупая!

Борис попятился в глубь коридора. Я заулыбался еще шире. Похоже, секретарь сообразил, что впустил в квартиру психа, и наконец-то собрался спешно звонить в полицию.

– Не желаете чаю? – соловьем запел я.

– Лучше коньяку, – заявил мотоциклист, – вон из той бутылки, в ней шикарное пойло.

– Вы за рулем? – поинтересовался я.

– Да, – кивнул гость, – поэтому до полного кайфа не налакаюсь. Полфужера в самый раз будет. Скотина мерзкая!

– Ума не приложу, чем вас так рассердил, – протянул я.

– Ты? Меня? – подпрыгнул байкер. – Да это я, дряннь мерзотная, тебе на всю жизнь благодарен. Кто остановился на шоссе? Ты. Кто мои зубы в пасти принес? Твой пес. А я, гад фее-рический, улетел, даже спасибо не сказал. Сволочь беспредельная!

Я слегка успокоился. Гость ругает не меня, а себя. У сумасшедшего мотоциклиста нет желания превратить меня в фарш для «макарон по-флотски».

– Стыжусь, что повел себя дрянью неблагодарной, – продолжал сокрушаться байкер, – потому и приехал. Принес презент. Все очумеют, когда ты его наденешь. Любуйся! Айн, цвай, драй... От восторга падай...

Жестом фокусника Фред сдернул с коробки крышку.

– Ну? Как?

Я подошел к дивану и увидел внутри коробки нечто красно-розово-фиолетовое с золотыми пуговицами и не смог удержаться от вопроса:

– Что это? Скатерть? Покрывало?

Фред вытаращил глаза.

– Ну ты даешь, мужик... Телик в доме есть?

– Вроде на кухне, – после небольшой паузы ответил я. – Боря, где у нас телевизор?

– Висел в столовой, но вы велели его убрать, – отозвался секретарь. – «Скорая» не отвечает.

– Кому-то плохо? – понизил голос Фред. – Мамаше твоей? А я тут раскричался, извини.

– Борис, не надо звонить, – попросил я, – все в порядке. Нет, Фред, я живу один.

– Как без телика существуешь? – поразился байкер.

– Прекрасно, – улыбнулся я, – пользуюсь ноутбуком, смотрю на нем телеканал «Энимал Планетс», другие меня не интересуют.

– Программу «Шкаф в подарок» не знаешь? – уже тише осведомился гость.

– Нет, – ответил я. – Мебелью совсем не интересуюсь, хотя могу рассказать о французском мастере эпохи короля Людовика Четырнадцатого по имени Андре Буль.

– Бумс! – хмыкнул мотоциклист. – Прямо тряпкой по носу. Вот так живешь, думаешь, что каждая собака о тебе слышала... Я веду это шоу.

– Непременно посмотрю передачу, – соврал я, – не сомневаюсь, что она очень интересная.

– У нас два участника, – пустился в объяснения Фред. – Кто кого победит!

– Оригинальная идея, – похвалил я.

– Нужно уметь правильно одеваться. Из предлагаемой одежды создать лук для работы, отдыха, театра. Тому, кто выиграл, шкаф, набитый шмотьем, отдают, – азартно продолжал гость, – а проигравшему бурнусун моего дизайна. Я модельер.

– А-а-а... – протянул Борис. – Только я не понял, при чем тут овощи. Вы упомянули лук. И, простите мою неосведомленность, что такое бурнусун?

– Мужской головной убор, – охотно пустился в объяснения Фред. – Сейчас он на пике моды во всем мире. На парижской Неделе моды фурор произвел. Его все носят.

Продолжая вещать, гость вытащил из коробки кусок ткани и встряхнул его. Раздался резкий звон. Демьянка залаяла и кинулась в холл.

– Это не пуговицы! – воскликнул я.

– Колокольцы, – кивнул гость, – не путайте с колокольчиками.

– Как такое носят? – не понял я.

– Чем колокольцы отличаются от колокольчиков? – задал свой вопрос Борис.

– Сейчас на Ване продемонстрирую, – сказал модельер. – Сядь, парень.

Я покорно опустился в кресло.

Фред ловко замотал мою голову и крикнул.

– Супер!

– Ага, – протянул Боря. – М-да, привлекательно. Весьма даже... Интересно... свежо... оригинально.

– Где у тебя зеркало? – заорал Фред.

– В ванной, – ответил я.

– Иди любуйся, – приказал модельер. – Да не упади от восторга, держись за стену, а лучше сядь.

Глава 6

Встав у рукомойника, я обзрел себя и едва не расхохотался в голос.

В детстве я обожаю книгу «Восточные сказки» – мало того, что она содержала интересные истории, так еще в ней было множество ярких иллюстраций. И одна из них просто заворожила первоклассника Подушкина. На ней был изображен халиф, то есть восточный принц в роскошном белом одеянии, на голове у него красовалась розово-красно-фиолетовая чалма, вся обсыпанная золотом. Я представлял себя на месте правителя и млел от восторга.

Не помню, в каком классе, мне под Новый год захотелось нарядиться на школьный карнавал халифом. Я порылся у Николетты в шкафу, вытащил какое-то ее белое платье, завязал его вокруг себя, подпоясался блестящим ремнем, а на голову намотал блузку маменьки, подходящую по цвету. Чтобы чалма выглядела богато, я с помощью булавок прикрепил к ней елочные игрушки. Представляете, какой фурор Ваня Подушкин произвел на празднике? Костюм признали лучшим, мне вручили диплом и подарок. Совершенно счастливый, я вернулся домой, аккуратно повесил вещи маменьки в шкаф.

Через два дня Николетта решила надеть блузку, вынула ее... и принеслась в детскую, крича во весь голос:

– Иван! Кто порвал мою блузку, которую я купила у жены композитора Олыкина? Откуда на ней дыры? Почему она вся в пятнах?

От мучительной смерти в руках разъяренной маменьки меня тогда спас отец, он сказал:

– Очень хорошо, что кофтенка погибла, она тебя полнила и старила. Купи себе новую.

А я, лишенный сладкого, лег спать. И потом долго представлял себе, как стал настоящим халифом: у меня чалма с золотом...

И вот наивная детская мечта осуществилась. Я сейчас – натуральный принц с восточного базара.

– Шедеврально! – заорал Фред, материализуясь за моей спиной. – Только так и ходи. Два колокольца разной формы, один в виде буквы «Б», другой «Ф». Это моя подпись, личный знак, свидетельство того, что бурнусун сшит именно...

Демьянка залаяла, в дверь позвонили, я попытался размотать кошмар с колокольчиками.

– Не, не, – запротестовал Фред, – пошляйся так, привыкни. Знаешь, хочется тебя слегка осовременить. Красивое лицо, но не ухоженное. Что за брови? Теперь такие не носят.

– Вава! – заверещал в коридоре дискант маменьки. – Срочно покажись! Опять какую-то ерунду читаешь? Мне нужно... А-а-а-а!

От звука, который исторгла маменька, вошедшая в ванную, у меня заложило уши, а Демьянка от страха пукнула и наложила кучу. Борис бросился собирать ее «визитную карточку» с помощью туалетной бумаги.

– А-а-а-а! – визжала Николетта. – Это правда он? Он?

– Я! – Радостно завопил байкер.

– Неужели в самом деле я вижу здесь Фреда? – проорала Николетта и бросилась моему гостю на грудь. – О-о-о-о!

Дизайнер заключил ее в объятия.

– Дорогая, остановись, это действительно я. И для тебя, такой красивой, модной, суперской, сделаю все, что прикажешь. Селфи?

– Да! – завопила Николетта, выхватывая из сумочки мобильный. – Вот так. Теперь этак... С улыбочкой... О-о-о-о! Кока с ума сойдет, когда меня с тобой в Инстаграме увидит... А-а-а-а! Зюку паралич разобьет... Обними меня! О-о-о! Я тебя отмечу! Меня облайкают! Вава! Бурнусун! О-о-о! Ты его купил? Не верю! Зачем тебе такая красота?

– Это мой подарок Ване, – пояснил Фред, – с личным знаком. Тебя как зовут, ягодка?

- Николетта, – кокетливо ответила маменька, – я сестра Вавы. Младшая.
- У тебя шикарный брат! – воскликнул Фред. – Он меня спас.
- Правда? – изумилась маменька. – И за это Вава получил бурнусун? А мне? Тоже хочу презентик!
- За что? – поинтересовался дизайнер.
- Мы же семья, – пропела матушка, – нечестно, если подарок достанется только ему. Я снял чалму и протянул Николетте.
- Носи на здоровье.
- Эй, эй! – возмутился Фред. – Тебе было подарено!
- Николетта схватила тряпку и со скоростью юной сороконожки исчезла с глаз долой.
- Подарки не передаривают, – обиделся дизайнер.
- Ты не знаешь Николетту, – вздохнул я. – Она моя мать, и если не получит то, что хочет, моя жизнь превратится в ад.
- Раздался стук двери.
- Госпожа Адилье ушла, – объявил Борис.
- Мне стало смешно. Маменька так испугалась остаться без тряпки с колокольчиками, что унеслась прочь, цепко сжимая добычу, даже забыв, зачем приезжала.
- Во дает! – заржал Фред. – Не расстраивайся, Ваня. Пошли, сделаем по глоточку. Эй, Боря, чего в холодильнике есть? Яйца в наличии?
- Конечно, – кивнул мой помощник.
- Фред потер руки.
- Сейчас я забацаю пиратскую яичницу. Ваня, тащи свой коньяк. Боря, накрывай поляну. Накатим по капельке за Ваняшину доброту. Ну, чего стоим, зырим? Пора лапами бить! И не моргайте, как филины больные. Не уйду, пока не попробую Ванькин коньячок. Боря, на-ка ключарики... Внизу «Феррари» стоит, на заднем сиденье кофр. Приволоки его сюда. Знаю, какой сейчас Потрясушкину подарочек сделаю, раз бурнусун мамахен увела.
- Я рассмеялся.
- Моя фамилия Подушкин. Она простая, но не все могут ее запомнить. И чаще всего именуют меня Одеядкиным. Вариант «Потрясушкин» слышу впервые.
- Супер! – захохотал Фред. – Зажигай свечи! Ну, лети к нам, тихий вечер, оторвемся в веселой компании... Парни, вы жженку любите?
- Что это? – удивился я.
- Жженку не пробовал? – оторопел Фред. – Никогда?
- Нет, – в едином порыве ответили мы с Борисом.
- Парни, как же вы скучно жили... – пожалел нас дизайнер. – Радуйтесь, судьба вас со мной столкнула, теперь веселуха поперет. Ну, вперед, включайте музыку! Группа «Ронди Кар» есть?
- Нет, – смутился я, – у меня только классика.
- А они кто? – вспыхнул Фред. – Лучшая группа всех времен и народов. Неужели о ней не слышал?
- Никогда, – признался я.
- Фред хлопнул меня по плечу.
- Парень, ты вообще в школе учился?
- Я улыбнулся.
- Конечно. Как все.
- Вовсе не каждый за партой сидел, – возразил Фред, – я знаю полно народа, который читать не умеет. А ты небось еще и институт закончил?
- Литературный, – уточнил я.

– О! Мы с вашими девочками когда-то тусили, они на грудь лихо принимали. Пол-литрухи уговорят и стихи свои выть начнут, затем принимаются выяснять, кто из них гениальнее, и в драку... Битва кошек! – провозгласил дизайнер. – Слушай, вроде лет нам с тобой одинаково, а ты странный: жженку не пил, «Ронди Кар» не слушал, от них же все чумели. Ладно, двигай на кухню. Ща все тебе расскажу. Эй, коньяковский-то прихвати!

Мы переместились в столовую. Фред начал бесцеремонно шарить в шкафах и холодильнике, мне он велел сидеть на диване и слушать, а Бориса отправил в свою машину за какими-то вещами.

Рот у дизайнера не закрывался, языком он работал, как мельница жерновами.

– «Ронди Кар» – это четверо парней. Сначала они играли всякую муть на вечерах, чужие песенки. Потом начали сами писать тексты, были по-мощному талантливый. Стихи невероятные, голоса чарующие, оперные баритон, бас. Им бы в консерваторию идти учиться. Но все денег хотели, с девочками тянуло погулять, молодые же, а герлы на запах купюр летят. О! Вот и Боря! Ставь кофр, раскладывай яичницу, а я наливаю жженку. Давайте, парни, за мои клыки выпьем! Нашлись, родимые!

Фред поднял фужер.

– А что с вашими зубами стряслось? – любопытствовал Борис. – Вы их потеряли? Это необычно.

– Вау! Ваня тебе не рассказал? – хмыкнул дизайнер. – Тихушник и молчун... Потом доложу. Ну, как вам пошло?

– Оригинально и совсем неплохо, – с удивлением отметил я. – Впервые вижу, как коньяк наливают в сковородку и греют. А что ты до этого в ней плавил?

– Сахар, – коротко бросил Фред. – Дам тебе рецепт жженки. Пока еще ты полностью ее не раскусил, через несколько минут оценишь весь кайф... О, ща я вам «Ронди Кар» врублю! Тащите плеер, парни!

У меня закружилась голова, перед глазами запрыгали разноцветные зайчики.

– Что, Ваня, жженка догнала! – заорал издали Фред.

Мне почему-то стало очень смешно, я расхохотался и понял: давно не был в таком прекрасном настроении.

– Гудим во весь вентилятор? – завопил дизайнер.

Я энергично закивал. Конечно, гудим во весь вентилятор. Какой хороший и удивительно веселый день! Никак не могу перестать смеяться. Фред на редкость приятный человек. О! Звонок в дверь, к нам кто-то пришел...

Глава 7

Утром я проснулся от того, что мне на грудь сел медведь. Глаза открылись, и вместо Топтыгина перед самым носом я увидел задницу Демьянки.

– С ума сошла! – возмутился я и спихнул собаку на пол.

Псинка плюхнулась на ковер и продолжила храпеть.

– Эй, потише, зая, – пробормотал кто-то слева.

Я вздрогнул, повернул голову и увидел рядом растрепанную белокурую голову и тело в коротком шелковом платье. Из-под него высывались красивые длинные ноги, одна из них была в сапоге-ботфорте на высоченной шпильке. Я отполз к противоположному краю кровати, встал и ощутил нечеловеческую головную боль. В мозгу метались короткие, как у Буратино, мысли. Кто я? Что за девушка у меня в кровати? Почему она в обуви? Который час? Какой сегодня день? Месяц? Год? По какой причине адски ломит висок? А еще невероятно хочется пить!

Ощущая себя верблюдом, который только что завершил изнурительный переход через бескрайнюю пустыню, я, держась за стену, выполз из спальни и замер.

В коридоре прямо на полу спал Фред. Под голову он положил ботинки Бориса, а вместо одеяла использовал мою куртку. Из рта гостя вырывался могучий храп.

Несколько мгновений я смотрел на дизайнера, потом осторожно перешагнул через него, вошел в столовую и увидел Бориса, который сидел перед ноутбуком.

– Что у нас происходит? – спросил я, и произнесенные слова колокольным звоном отдались в мозгу.

Борис оторвался от экрана и подпрыгнул.

– О господи! Ну и ну!

– Извините, если испугал, – прошептал я. – Никак не мог найти тапки, поэтому передвигаюсь босиком и вошел тихо. У нас есть таблетки от мигрени? У меня почему-то еще кружится голова и ноги дрожат.

Боря встал, достал из холодильника кувшин, налил из него в стакан мутную жидкость желто-буро-зеленого цвета, поперчил ее и подал мне со словами:

– Вам может показаться немного остро на вкус, но все равно выпейте. Залпом. Минут через десять самочувствие резко улучшится.

– Что это? – с подозрением осведомился я.

– Похмельный коктейль певца Воркутова, – пояснил помощник. – Он состоял в тесной дружбе с моим прежним хозяином. Тенор немного похож на Фреда, от него я и научился готовить эту смесь. Помогает всегда и всем. Не волнуйтесь, в ней нет ничего особенного, только огуречный рассол, чеснок, перец и несколько соусов.

Я не стал пробовать пойло.

– Борис, вы же знаете, больше одной дозы коньяка я не употребляю. В Литинституте студенты по части выпивки давали фору даже будущим журналистам, но я никогда не напивался до состояния пороссячьего визга, знал меру.

Боря показал рукой на подоконник.

– От такого набора голова развалится, даже если всего по три капли из каждой емкости попробовать.

Я увидел батарею пустых бутылок. Там были представлены ром, водка, сидр, пиво, коньяк, текила, вермут, красное вино, херес, портвейн и в качестве завершающего штриха ликер «Авокадо», произведенный в деревне Северная Ямало-Ненецкого округа.

– Хотите сказать, что я все это употребил? – пытаюсь понять, как в краю вечной мерзлоты умудрились выращивать авокадо, изумился я. – Откуда в моем доме столь оригинальный бар?

– Наш только коньяк, – пустился в объяснения Борис. – Все началось невинно – Фред сделал жженку. Жаль, я не заметил, что он в нее добавил. Вы сразу повеселели, выпили то ли пять, то ли шесть фужеров.

– Не может быть, – отрезал я, – вы ошибаетесь.

– Потом приехали гости Безумного, – продолжал секретарь, – и каждый привез по паре бутылок. Одна Алевтина прихватила еду – граммов триста карамелек «Банан с кактусом».

– С чем? – изумился я.

– Вкус банана с кактусом, – повторил Борис. – Конфетки оказались отвратительно сладкими, но вы их съели. Гости сидели до пяти утра, потом уехали. Фред с Алевтиной остались, поскольку не могли двигаться. Я уложил Безумного в вашем кабинете на диване, Алевтину в гостевой, вы ушли к себе. Я все убрал и сел работать.

Я потер рукой лоб. Вот интересно, сейчас расклад совершенно иной: Безумный спит в коридоре, а девица в моей постели. Боря снова подал мне стакан.

– Иван Павлович, выпейте. Отличное средство. Через короткое время реанимируетесь.

– Я не алкоголик, чтобы опохмеляться, – возразил я.

– Конечно, нет, – согласился помощник, – это из-за карамелек. Вы съели их все и отравились. На редкость противные конфеты, наверняка срок годности у них давно истек. Коктейль не от похмелья, он содержит перец, чеснок и хрен, которые обеззараживают желудок.

– Тогда давайте, – согласился я и опрокинул в себя пойло.

По пищеводу прокатился огненный шар, потом он взорвался и разлетелся искрами по всему телу. Мне стало жарко. Затем я ощутил, как в мозгу заплясали обутые в железные сапоги чечеточники. Из глаз полились слезы, из носа сопли, волосы на макушке зашевелились, свет померк.

– Иван Павлович, вы как? – донесся издали баритон Бориса. – Садитесь скорей сюда. Вот так, вот так...

Я открыл глаза, поморгал и вдруг ощутил: голова не болит.

– Что вы сейчас чувствуете? – заботливо осведомился секретарь.

– Вроде жив, – пробормотал я. – Но на всякий случай пока опасаюсь шевелиться. Уже девять утра? А вы не ложились спать?

– Нет, – ответил Боря. – Вы же знаете, я спокойно могу обходиться без сна. Выяснил биографию отца Дионисия. В ней есть интересные моменты. Доложить?

– Конечно, – обрадовался я.

Борис сел к ноутбуку и стал читать.

...В миру его имя было Игорь Семенович, он сын Семена Олеговича Сидорова, известного советского журналиста, имевшего прозвище Палач, – родитель священника строчил фельетоны о деятелях литературы и искусства, и после публикации очередного опуса карьера творческого человека обычно заканчивалась. В приснопамятные советские времена народ верил прессе, а для начальников всех уровней материал в газетах «Правда», «Известия», «Труд», «Советская культура» был руководством к действию. Если Семен Сидоров писал, что поэт N хам, грубиян и алкоголик, то произведения автора переставали печатать, его не отправляли в творческие командировки по стране для встреч с читателями, и поэт становился нищим. Фельетон о балерине К., в котором рассказывалось, как морально нечистоплотная дама изменяет мужу с директором магазина «Меха», потому что хочет получить новое норковое манто к каждому празднику, навсегда закрыл для танцовщицы дорогу на сцену. К. уволили из театра и отлучили от зарубежных гастролей, по слухам, она уехала в глухую провинцию и работала там в клубе уборщицей.

Понимаете, какую власть имел Семен Олегович? Иногда он отвлекался от мира культуры и выдавал на гора статьи о каком-нибудь директоре завода, главвраче больницы или заведующем магазином.

Палач родился в тысяча девятьсот седьмом году, стал писать в начале тридцатых. Жил он в маленьком городке Тамбовской области, там же нашел себе жену, ее звали Надей, и стал отцом девочки, которой дал имя Елена.

Перед началом войны журналист перевелся в Москву. Его взяли на работу не куда-нибудь, а в газету «Правда», дали квартиру на Беговой улице. На фронте борзописец не воевал, в газете «Красная Звезда» не служил, на передовой не бывал. Чем Семен Олегович занимался в период с сорок первого года до Дня Победы, неизвестно. Где-то хранятся документы, проливающие свет на темный период жизни старшего Сидорова, но в Интернете их нет.

В сорок шестом году «золотое перо» снова начинает строчить фельетоны. Он вдовец, его жена и дочь погибли во время блокады Ленинграда, обе похоронены в общей могиле. Коим образом они оказались в городе на Неве, почему уехали из Москвы, неизвестно. Вскоре «карающая чернильница» женился на Розе Козловой.

В возрасте, когда многие мужчины становятся дедами, Семен вновь стал счастливым отцом – на свет появился мальчик Игорь. Рос он тихим, спокойным ребенком, постоянно сидел над книгами, благо в доме была прекрасная библиотека. Сын не доставлял родителям ни малейших хлопот – учился на «отлично», никогда не перечил взрослым, послушно ходил в музыкальную школу, на плавание, был хорошо воспитан. Так он и рос – октябренок, пионер, комсомолец, любимец педагогов.

Единственная претензия, которую можно было предъявить школьнику: его полнейшее нежелание заниматься общественной работой. Более того, Игорь отказался стать комсоргом школы. В ответ на возглас директора: «Сидоров, ты хоть понимаешь, от какой чести отказываешься?» – подросток ответил:

– Не готов занимать этот пост, пусть его получит более достойный комсомолец.

У любого другого ученика, который посмел бы проявить такое своеволие, начались бы большие неприятности, но Игорь оказался вовсе не столь наивным, каковым его считали окружающие. Потому что он к этим своим словам добавил следующее:

– Ваш сын, например. Он пользуется авторитетом у ребят, а меня никто слушать не станет...

Борис оторвался от ноутбука.

– Хитрый ход, не правда ли? Комсоргом действительно стал отпрыск директора школы, а про отказ Игоря никто не узнал.

– Но как вы все это выяснили? – удивился я.

Секретарь показал на экран.

– Здесь много интересного про Сидорова. Он сидел за одной партой с Зоей Ильиной, которая умирала от любви к своему соседу, но тот не обращал на нее внимания. Девочке хотелось быть поближе к предмету обожания, поэтому она тщательно прятала свои чувства и превратилась для парня в единственного друга. Ильина поступила в МГУ, затем сделала головокружительную карьеру, стала известной журналисткой, одним словом – звездой. Она долгое время преподавала в родном вузе, вела телепрограмму, была востребована и любима народом, выпустила автобиографическую книгу «Моя жизнь вне искусства».

– Явный отсыл к произведению Константина Станиславского «Моя жизнь в искусстве»³, – отметил я.

– Похоже на то, – согласился Борис. И продолжил: – Более трети книги посвящено детским воспоминаниям об Игоре Сидорове. Мне показалось, что автор, будучи четыре раза замужем за блистательными режиссерами и писателями, никак не могла забыть мальчика, который

³ Константин Сергеевич Станиславский (псевдоним), настоящая фамилия Алексеев (1863–1938 гг.), русский театральный режиссер, создатель знаменитой актерской системы, которую до сих пор используют во всем мире. Один из основателей МХАТа, первый народный артист СССР, автор книг, в том числе «Моя жизнь в искусстве».

не заметил ее любви. Женщину заело, как говорят в народе. К сожалению, Зоя Федоровна скончалась год назад от тяжелой болезни. Об эпизоде с директором я прочитал в ее книге. И там же описано, какой скандал случился в доме Сидоровых, когда Игорь решил поступать в духовную семинарию. Вам сбросить книгу на почту? Купил ее в электронном виде на портале litres.ru⁴. Забавное чтение.

– Сколько там страниц? – поинтересовался я.

– Семьсот девяносто восемь, – отрапортовал Борис.

– Лучше не надо, – отказался я. – Люблю автобиографии, но только тех людей, которые мне интересны. Ильина не принадлежит к их числу. Будет лучше, если вы мне просто изложите суть.

Мой секретарь развернул ноутбук экраном ко мне.

– Хорошо. Но сначала гляньте на портреты. Здесь два снимка: Зоя-студентка и современное фото.

⁴ litres.ru – крупнейший магазин электронных книг с приятными для покупателя ценами. Кроме того, на litres.ru имеется более 30 тысяч изданий, которые можно скачать бесплатно.

Глава 8

– На редкость красивая женщина даже в зрелом возрасте, – восхитился я. – А в молодости выглядела прекрасной принцессой. Наверное, мужчины снопами падали к ее ногам.

– Судя по воспоминаниям, именно так, – улыбнулся Борис. – Да и официальная биография тому подтверждение: несколько мужей, все знаменитые, богатые. А вот Игорь не обратил на нее внимания. И детей Зоя не родила.

– Некоторые дамы жертвуют счастьем материнства ради карьеры, – заметил я. – Значит, Сидоров-младший пошел в семинарию? В советские годы это отважный поступок.

– Более чем, – согласился мой помощник. – Молодой человек определенно должен был понимать, что разрушит этим карьеру отца. Но, наверное, не предполагал, какая трагедия случится. Зоя пишет: «Из-за того, что Игорь избрал стезю церковнослужителя, его мать Роза убила Сергея Николаевича Нефедова, преподавателя МГУ».

– А он-то при чем? – поразился я.

Борис начал рассказ, и я постарался не пропустить ни одного слова.

...В библиотеке Семена Олеговича была масса самых разных книг. Старший Сидоров не наводил порядка на полках и скорее всего не знал, что среди старых изданий, которые ранее принадлежали тестю, отцу его жены Розы, было несколько духовных книг для детей. В частности, жития святых, перетолкованные для малышей, и адаптированный для детей Закон Божий. Игорь прочитал оба тома и понял, что Бог существует. Своим знанием мальчик поделился с Зоей, дал и ей почитать литературу, которая произвела переворот в его голове. Но на девочку рассказы о подвигах, совершенных в прежние века людьми во имя веры, не произвели ни малейшего впечатления.

– Сказки все это, – засмеялась пионерка, – придуманы попами, чтобы народ дурить.

Услышав эту фразу, Игорь перестал общаться с Зоей. Та поняла, что ляпнула нечто обидное для одноклассника, и прибежала просить прощения, соврала:

– Я тоже верю в Бога, а про попов специально так сказала – хотела проверить, как ты на мои слова отреагируешь.

Игорь опять стал дружить с девочкой. И начал искать духовную литературу. Интернета тогда не было и в помине, где взять интересующие его книги, мальчик понятия не имел. Но он решил жить так, как святые отцы. В тринадцать лет Игорь перестал есть мясо, соврав матери, что его от телятины-свинины тошнит. Роза провела сына по врачам, убедилась, что тот здоров, и сочла, будто он просто капризничает.

В шестнадцать лет Игорь впервые вошел в церковь. Храм был одним из немногих, где в советское время шли богослужения. Подросток попал на литургию. Ничего не понимая, застыл у какой-то иконы, но выстоял два часа, а потом вместе с очередью прихожан подошел к причастию. Батюшка посмотрел на подростка и спросил:

– Ты исповедался?

– Нет, – удивился Игорь. – А что это такое?

Священник тихо сказал:

– Ничего. Я тебя причащу.

Игорь на всю жизнь запомнил взгляд батюшки – тот словно посмотрел ему в душу. А когда подросток поцеловал чашу, на него вдруг снизошло *нечто*. Вечером он попытался объяснить Зое свои ощущения:

– Понимаешь, я как будто попал домой. В прекрасный, чудесный мир любви. Там намного лучше, чем здесь. Теперь каждое воскресенье буду посещать храм.

Через пару месяцев Семен вызвал сына в свой кабинет и налетел на него с кулаками.

– Ты что творишь?! Какого дьявола ходишь к попам?! Меня же с работы выпрут! С ума сошел? Не смей даже приближаться к вертепу под куполами!

Игорь попытался объяснить отцу свои чувства, заговорил о вере в Бога. Семен Олегович схватился за сердце, упал на диван, пришлось вызывать «Скорую».

Когда старшего Сидорова увезли в больницу с инфарктом, Роза заорала на сына:

– Хочешь нас с отцом убить? Несуществующий дядька, якобы сидящий на облаках, тебе дороже родителей?

– Откуда папа узнал, что я хожу в церковь? – недоумевал Игорь.

– Его вызвали в Первый отдел и спросили, почему его сын проводит время с безграмотными старухами, – объяснила мать. – Ты понимаешь, что из-за твоей дурусти отец может лишиться должности? Мы станем нищими!

– В храме я не видел никого из знакомых, – пробормотал подросток. – Кто же мог папе на работу стукнуть?

Роза рассмеялась.

– Да попы же твои и стучат! Разве ты не знаешь? Их обязывают докладывать о всех, кто поклоны перед иконами бьет. И о том, что верующие на исповеди говорят, они потом в райком партии доносят.

Игорь побежал к Зое и рассказал ей о произошедшем.

– Не ходи пока в церковь, – посоветовала одноклассница.

– Вообще больше там не появлюсь, – отрезал Игорь.

И на самом деле перестал молиться. Он попросил прощения у родителей, продолжал старательно учиться и поступил по указке отца на журфак.

Преподавателем научного атеизма там был профессор Сергей Николаевич Нефедов, который знакомил слушателей с историей религии, не забывая повторять, что Бога нет. Он явно выделял студента Сидорова из толпы однокурсников. Как-то раз педагог позвал Игоря к себе домой, и тот увидел множество икон, религиозной литературы. Нефедов дал молодому человеку почитать книгу «Лествица», которую написал преподобный Иоанн Лествичник, игумен Синайской горы.

Потрясенный прочитанным, Игорь снова пришел к преподавателю и рассказал о том, что когда-то случилось с ним из-за посещения церкви. Профессор спокойно заметил:

– Ангел мой, в храме трудится много народа: певчие, алтарники, уборщицы, на свечном ящике женщина стоит. Почему ты решил, что стукачом был батюшка? Даже если и так, то надобно помнить: священники тоже люди, ничто человеческое им не чуждо. Но верят ведь не в человека в рясе, а в Бога.

Эти простые слова перевернули сознание Игоря. Сидоров крепко подружился с Нефедовым, часто бывал у него, слушал профессора, который вел с ним философские беседы, под предлогом того, что хочет писать диплом на тему, как церковники губят народ, стал ездить с Нефедовым по монастырям. К пятому курсу у Игоря не осталось сомнений: он пойдет учиться в духовную семинарию, и никто не сможет сбить его с выбранного пути.

Когда Игорь объявил родителям о своем решении, Семен Олегович опять свалился на диван и снова был доставлен «Скорой» в больницу. Роза велела сыну выбросить дурь из головы. Мать, наверное, думала, что Игорь и сейчас, как в подростковом возрасте, подчинится ей. Однако теперь она имела дело не с ребенком, чья зарождающаяся вера в Бога базировалась на чтении дореволюционных детских книг о житиях святых. Игорь стал иным человеком, поэтому мать услышала спокойный ответ:

– Нет.

Разразился скандал, в процессе которого Роза, зная о дружбе сына с профессором Нефедовым, заорала:

– Знаю, кто с толку тебя сбивает! Завтра же пойду в партком вуза и все расскажу!

– Ты этого не сделаешь, – покачал головой Игорь.

– Ха! – выкрикнула Роза. – Этого паскудника выгонят, уж я постараюсь! Он нам жизнь испортил и еще какую-нибудь счастливую семью развалит. Надо же, кровь дураков в тебе разбудил, мерзавец!

– Если пожалуешься на Сергея Николаевича, я расскажу всем, почему решил стать священником, – тихо, но четко произнес Игорь. – Хочу отмолить грехи отца, который своими статьями убил многих людей, ради сытой жизни служил «палачом». И о какой «крови дураков» ты говоришь?

Роза молча ушла в свою комнату, а Игорь уехал подавать документы в семинарию. Молодой человек стал там учиться, домой более не приезжал, с Зоей, которая не побоялась его навестить, встречаться не захотел.

Тридцатого декабря у Семена Олеговича случился инсульт, он умер. А первого января Роза зарезала Сергея Николаевича. Нефедова она подстерегла в подъезде, ударила его ножом в шею. А потом, держа в руке окровавленный тесак, пришла в милицию и сказала:

– Нефедов отнял у меня сына и мужа, я же забрала у него жизнь. Все по справедливости, как в их Библии написано: «Око за око».

Ее признали невменяемой и отправили на лечение. Игорь похоронил отца, запер родительскую квартиру и сгинул. Зоя Ильина с ним более не общалась...

Борис замолчал.

– Трагическая история, – вздохнул я. – А что с женой Игоря? Когда она умерла?

Секретарь откашлялся.

– Сидоров женился на сироте Анне Кочетковой. Она родила девочку и скончалась. Отец Дионисий уехал с ребенком в Бойск, куда его определили служить. Это все.

Я вдруг ощутил беспокойство. Попытался понять, откуда оно, но тут на пороге столовой возник Фред и заорал:

– Боря! У тебя в заглазнике рассол есть? Ваня! Вот теперь ты суперски выглядишь!

Я хотел было сказать: «Спасибо, Фред, вы тоже выглядите замечательно», но меня смутило слово «теперь», и я спросил:

– Раньше я был совсем плохой?

Фред плюхнулся на стул и схватил стакан, поданный Борисом.

– Не сказать, что урод, но видок был тоскливый, аж плакать хотелось. Совсем без изюминки внешность, прическа, как у деда древнего. А когда я тебя постриг...

– Что ты со мной сделал? – отбросив от неожиданности вежливое «вы», осведомился я.

– Ребрендинг, – объявил Безумный Фред, одним махом осушая стакан. – Ух, как забирает! Боря, повтори. Ой, ой, пардонте...

Фред бросился в коридор в сторону туалета, а я посмотрел на помощника.

– Борис!

– Да, Иван Павлович, – быстро отозвался секретарь. – Чем могу служить?

Я встал.

– Когда я вошел в столовую, вы подпрыгнули на стуле и воскликнули: «О господи! Ну и ну!» Я подумал, что ваша необычная реакция при виде меня является простым испугом от моего неожиданного появления – я шел босиком, вы не слышали звука шагов. Но сейчас у меня зародилось сомнение: может, вас поразил мой внешний вид? Как я выгляжу?

Борис опустил взор.

– Вам идет. Хотя... В самом деле необычно, креативно. Молодежно!

Я пошел в ванную, глянул в зеркало и икнул – на меня смотрел мужчина с очень короткой стрижкой. И все бы ничего, но торчащие дыбом волосы имели ядовито-розовый цвет.

Глава 9

В Бойске я оказался около часу дня. Подъехал к церкви и залюбовался на нее. Старинный храм с высокой колокольней, белыми стенами и золотыми куполами выглядел благостно.

– Какая красота, – сказал я женщине, которая подметала дорожку, ведущую ко входу в церковь. – Когда был возведен храм? Похоже, он очень старый.

Тетушка молча продолжала орудовать метлой. Я решил, что она меня не расслышала, и громко повторил свой вопрос. Но ответа так и не дождался.

– Тысяча шестьсот какой-то год, – вдруг раздалось у меня за спиной.

Я обернулся и увидел полную даму в бархатном пальто с меховым воротником.

– Точную дату не назову, – продолжала незнакомка. – В те времена тут жил барин по фамилии Толстоногов. Батюшка – отец Дионисий, светлая ему память, – рассказывал, что дворянин очень хотел своих крепостных от пьянства избавить, вот и возвел церковь. Икона в ней висела, от винопития спасавшая. Но архитектор, который храм строил, сам любил залить за воротник, запил и утонул в Тараканке. Это речка наша, тут неподалеку течет, очень опасная, глубокая и с омутами. Пришлось Толстоногову другого зодчего нанимать, тот работу и завершил. А поскольку два творца здание строили, оно в разных стилях вышло. Колокольня вообще вроде платья с чужого плеча.

– А мне очень нравится, – улыбнулся я.

Женщина с метлой развернулась и ушла.

– Вы не местный, – отметила моя собеседница, – из Москвы.

– Верно, – согласился я.

– Не обращайтесь внимания, – вздохнула незнакомка, – с тех пор как у Брякиной сын пропал, она ни с кем не разговаривает.

– Вы про дворничиху? – уточнил я.

– Елизавета двор убирает, – пояснила незнакомка, – а заодно и храм моет. Отец Дионисий ее жалел, на странности внимания не обращал. Новый батюшка пока тоже ничего не говорит, но как он дальше себя поведет, никто не ведает. Не всякому понравится, что постоянно рядом мрачная бука. Мы-то про Лизкину судьбу знаем, а посторонние нет. Кое-кто жалуется на нее. И понятно почему. Люди у уборщицы спрашивают: сколько записочка стоит или свечка, а Брякина молча в сторону отходит, хотя нужно народ к свечному ящику направить. Обычно новая метла по-новому метет. Боюсь, шуганет теперешний батюшка и Лизку, и меня. Давайте знакомиться: Раиса, регент церковного хора.

– Иван Павлович Подушкин, – представился я. – Не подскажете, где дом Екатерины Сидоровой?

– Вон он, в паре шагов, – засуетилась Раиса. – Давайте провожу и...

Она вдруг замолчала.

– Спасибо, – поблагодарил я, двинувшись к указанной избе.

– Подождите! – крикнула Раиса. – Иван Павлович, вы журналист?

Я обернулся.

– Сделайте милость, – затараторила регентша, – не беспокойте Катю. Ей и так очень тяжело, отца ведь потеряла. Да еще про батюшку всякие гадости говорить стали, шептать, мол, он с собой покончил из-за того, что деньги, данные спонсором на строительство купальни, себе забрал.

– А это неправда? – задал я провокационный вопрос.

– Конечно, нет! – всплеснула руками Раиса. – Лучше уезжайте. Не пущу вас к Кате, хватит с нее! Отправляйтесь назад...

Не успел я опомниться, как регентша вцепилась в мою куртку и завизжала:

– Маня, запри дверь, к вам папарацца идет!

Из окна стоящего неподалеку дома высунулась девочка-подросток.

– Чего, тетя Рая?

– Мать где? – завопила дама.

– Секунду назад вышла в магазин, – ответила школьница, – да вон она.

Из-за угла появилась Екатерина.

– Беги скорей в дом, запирай дверь, – заорала Раиса, вцепившись в меня клещом, – опять из газеты гаденыш припер.

– Рая, отпусти человека, – скомандовала Сидорова, – это мой хороший знакомый. Проходите, Иван Павлович. Наверное, хотите с дороги чайку попить?

– И я бы не отказалась, – начала нагло напрашиваться в гости Раиса, – в горле пересохло и озябла как дворняжка.

Екатерина приподняла бровь и крикнула:

– Маша!

Окно избы снова открылось, появилась та же девочка.

– Да, мама?

– Угости тетю Раю чайком, – попросила мать, – а мы с Иваном Павловичем погуляем и вернемся.

Раиса приоткрыла рот.

– Вы куда?

– Покажу господину Подушкину окрестности, он воздухом подышать решил, – не моргнув глазом придумала дочь покойного отца Дионисия. – Иди, Рая, ты же чаю хотела.

– Чайник уже вскипел, – сообщила Маша. – Тетя Рая, вам покрепче?

Делать нечего, пришлось регенту церковного хора отправляться в избу.

– Ловко вы от дамы избавились, – похвалил я клиентку, когда мы пошли по улице.

– Иванова хороший человек, – вздохнула Екатерина, – одна беда, очень любопытна, язык у нее на привязи не держится. Они с Лизой – как лед и пламя. Рая, едва что увидит, тут же всем сообщит, а Брякина слова не вымолвит.

– Елизавета с детства немая? – поддержал я беседу.

– Нет, от стресса замолчала, – пояснила моя спутница, – у нее сынишка погиб, семь лет ему тогда было. Максимка пошел с ребятами в лес без спроса и пропал. Недельку его искали и не нашли. Вот такая беда у Брякиной случилась. Я свидетелем того происшествия не была, еще в пеленках лежала. Папа мой в Бойске как раз в тот день, когда Максимка погиб, появился. Меня вырастила матушка Ирина. Я сначала правду не знала про то, что моя родная мать умерла сразу после родов, лет до шести считала мамой Ирину. Крошечная была, не соображала, что по возрасту она моему отцу в матери, а мне в бабушки годится. Когда в школу пошла, меня дети дразнить стали, поповской дочерью обзывали... Да еще Надя, дочка Раисы, затеяла песенку петь: «Катка приبلудыш, ее коза в овраге родила». Я расплакалась и побежала матушке Ирине жаловаться.

Екатерина улыбнулась, вспоминая детство.

– Та нахмурилась и, видно, что-то сказала Раисе, потому что Надежда тогда язык прикусила. А мне матушка объяснила: «Твоя мамочка умерла в родах. Отец Дионисий с тобой поехал в Бойск на поезде, вышел на станции, сел в машину к Валерию Тарасову, тот его довезти взялся. Твой папа молчит, но я Тарасова хорошо знала, небось он денег с батюшки попросил. Такой уж человек был жадный. К тому же выпить любил. По пути машина в овраг свалилась. Двадцать девятого ноября это случилось. Как уж отец Дионисий и ты живы остались, одному Господу ведомо. Никакая ты не приبلудная, законная дочь своих отца и матери, я тебе метрику покажу». И она же мне потом рассказала, что в тот день, когда мы с папой в деревне появились, пропал Максимка, его так и не нашли. Ребята без разрешения в лес отправились

и самого маленького потеряли. Дней семь его всей деревней искали, но впустую. Елизавета на школьников накинута, их трое было, тех, кто малыша с собой взял: Толя Винкин, Гена Палкин и Лена Горкина. Лиза детей в смерти своего сына обвинила, окна камнями в их домах разбила и навсегда замолчала. А вот и дом Ветрова.

Екатерина открыла деревянную калитку, мы ступили во двор, поднялись на крыльцо. Сидорова постучала в ободранную дверь, потом приоткрыла ее и крикнула:

– Паша, Филипп Петрович, вы дома?

– Да, – донеслось из избы. – Кто там? Проходите.

Глава 10

– Это мы, – произнесла Екатерина, входя в большую комнату.
– Здравствуй, милая, – прокряхтел старик, сидевший на диване. – А кто с тобой? Не знаю этого парня.

Катя подошла к деду.

– Филипп Петрович, вы же у нас не болтливый, да?

– А чего языком мотать! – проскрипел пенсионер. – Чай, я не баба, не Райка Иванова.

– Вы у нас в Бойске старейший житель... – начала Екатерина.

Но дед ее сразу остановил:

– Марфа Горкина на год вперед меня родилась.

– Она сердитая очень, – покачала головой Сидорова, – и больная, вечно на здоровье жалуется, с ней не поговоришь нормально. А у вас нрав добрый, голова светлая.

Старик похлопал себя ладонью по макушке и хмыкнул:

– Лysая она у меня. Но ты права, пока соображает. Что же касемо Марфы, то на ее счет все ошибаются. Она вовсе не хвора, прикидывается только. Очень удобная роль. Можно человеку в лицо схамить, а потом занять: «Ой, не хотела обидеть, от недуга такое сказанула». Убогих-то не трогают, они даже за грубость сдачи не получают. Вот скажи, когда Марфа сильно хворать стала?

– Не помню, – протянула Екатерина.

– Да когда ее дочь школу заканчивала, – пояснил дед. – Где сейчас Ленка служит?

– В клубе, который при церкви открыт, – ответила Катя, – заведующей.

– Слышала, как Ленка поет? – не успокаивался старик.

– Конечно, она же в церковном хоре состоит, – кивнула дочь покойного отца Дионисия.

– Красивый голос, да? – спросил хозяин избы.

– Волшебный, – вздохнула Катя. Затем посмотрела на меня. – Вам, Иван Павлович, послушать бы Горкину надо. Пропала в Лене оперная певица. Ей следовало в консерваторию учиться идти, а она после школы в какое-то училище в Михееве поступила. Ох, спросит с нее Господь на том свете: «Елена, я тебе такой талант подарил, а ты не стала его развивать».

Ветров-старший крякнул.

– Ленка после окончания школы в Москву отправилась, в консерваторию. Глупенькая, конечно, люди для поступления туда несколько лет готовятся, а Горкина прямо с электрички на экзамен. Но как спела! У преподавателей челюсти отвисли. Один, старенький совсем, сказал ей: «Душа моя, вы редкой одаренности девушка, я вас к себе возьму». Приняли ее. Вот так!

Екатерина ахнула.

– Тогда почему она в нашем клубе заведующей работает? Откуда вы знаете про консерваторию?

Филипп Петрович оглушительно чихнул.

– Марфа – дура. Когда дочка ей сказала, что хочет певицей стать, и денег попросила на поездку в Москву и покупку платья приличного, мамаша ей по щекам надавала и заявила: «Ишь, что выдумала! Где родился, там и пригодился. Нечего в столицу рваться, сиди дома, работай, матери помогай. Никуда ты не поступишь, просто сгинеешь в Москве». Лена ко мне прибежала: «Крестный, дай денег. Я тебе за них все лето огород полоть-поливать буду. Только матери моей ни словечка». И я ее сам в столицу повез, не хотел, чтобы одна каталась. Москва не деревня, еще потерялась бы... Разговаривал я с тем профессором, он меня из коридора вызвал и объяснил: «У девочки талант необыкновенный, считайте, что она уже студентка, ей только сочинение надо нормально написать да иностранный язык сдать». Вернулись мы назад в Бойск, Елена ног под собой от радости не чувала. Но Марфа, услышав про успех дочки, на диван

упала. Плохо ей стало. И крестница, получив аттестат, в столицу в консерваторию экзамены сдавать не поехала, стала за Марфой ухаживать, больше-то некому.

– Можно было на следующий год вновь счастья попытать, – сказал я.

Дед стукнул ладонью по колену.

– Во! Марфа и это сообразила. Как ей дочь дома удержать? Прикинулась хитрованка смертельно больной. Много лет с той поры утекло, а она все никак тапки не отбросит. Ну да вы вроде не о Горкиных пришли болтать. Зачем я вам нужен?

– Иван Павлович детектив, – представила меня Екатерина. – Не полицейский, сам по себе работает.

– Шерлок Холмс? – рассмеялся старик.

– Вроде того, – улыбнулся я, – только трубку не курю.

– Хорошо, что не дымишь, – пробормотал Филипп Петрович. – Греховная привычка, как и винопитие. Понятно мне, чего ты, Катя, задумала. Сплетни про смерть отца Дионисия слушать неумоготу стало? Да только зря ты деньги на Шерлока Холмса потратишь, на чужой роток не накинешь платок. И чего тут еще расследовать? Инсульт у твоего папеньки случился, вот и упал он с колокольни. Официальная версия смерти такая. А кто чего болтает, над головой пропускай.

– Не могу, – покраснела Екатерина. – Очень прошу, поговорите, пожалуйста, с Иваном Павловичем.

– Языком мотать – не огород копать, – усмехнулся дед, – спрашивай, сынок.

– У отца Дионисия были враги? – начал я.

– Ни про одного не слышал, – протянул Ветров, – святой человек он был, много доброго сделал.

Ветров взял со стола коробку спичек и высыпал на клеенку ее содержимое.

– Во, смотри. Эта гора – наши проблемы при отце Владимире, светлая ему память. При старом настоятеле храм разваливался, воскресная школа не работала, никакой приходской жизни не велось, на литургии три старухи стояли, молодежь церковь по широкой дуге огибала. Отец Владимир, конечно, хороший человек был, добрый и сострадательный, да больной. Почки ныли, гипертония, сердце прихватывало, с легкими что-то, задыхался он. Служил, правда, исправно. Но на сопутствующую работу сил у него не оставалось. Все на матушке Ирине лежало. Та старалась, но для воскресной школы ребят у нас не было, а говорить взрослым о Евангелии ей не по чину. И где денег на ремонт классов взять? В последние годы она и вовсе всякую работу забросила, мужа на службу под ручку водила, честно говоря, прямо на себе тащила, потому что ноги у него не ходили почти. Когда отец Владимир умер, матушка ко мне в слезах после похорон ночью прибежала. Я ее успокаивать стал. Мол, не плачь, Господь все знает, в раю уже душа нашего настоятеля, и хорошо ей там, сейчас ангельское пение слушает, ничего не болит у сердечного. А она мне: «Не о супруге моя печаль. Уж кто-кто, а он точно заслужил Царствие Божье. Я о храме беспокоюсь. Сам знаешь, должен был еще неделю назад молодой батюшка прибыть, а все нет его».

Филипп Петрович посмотрел на Сидорову и взял одну спичку.

– Но Господь управил, наконец, отец Дионисий с тобой маленькой на руках приехал. Сначала-то его наши старухи в штыки встретили: и служит не так, как отец Владимир, и исповедоваться ему, такому молодому, неловко как-то, ну и так далее. Но потом... Деньги новый батюшка добывать умел и знакомых бизнесменов в Москве имел. Первым делом он ремонт в храме затеял и довел Божий дом до ума.

Старик положил спичку на другой конец стола, зацепил другую.

– Это раз. Воскресную школу открыл – два. Библиотеку такую собрал, что в нее народ со всей округи едет, – три. Театральный кружок заработал – четыре. Клуб современной музыки организовал, подростки туда потянулись – пять...

Ветров передвинул всю кучу спичек вправо.

– Умный человек был отец Дионисий, понимал: к Богу на веревке не тянут, он действовал иначе. Вот, например, тот же музыкальный клуб. Разные группы батюшка приглашал по воскресеньям, когда не возбраняется веселиться, то есть не в постные дни, в праздники там танцы бывали. И никаких проповедей. Он даже иногда сам гитару в руки брал, пел. Голос у него был – заслушаешься! Уж прости, Катя, тебе от отца таланта не досталось, поешь ты хорошо, но до батюшки тебе далеко. И что подростки видели? Священник не в рясе, а в брюках и свитере, музыку отлично знает, добрый, участливый, улыбается, не дудит про покаяние, бесед о вере не ведет. Многие, став в танцевальный клуб ходить или в кружок пения, потом в церковь заглядывать начали. А скольких подростков отец Дионисий от глупостей удержал! В трапезной те, у кого родители алкаши, бесплатно ели. Он им одежду к школе покупал. Давно дело было, встретил я как-то на улице Гену Поварова. Мать у него санитаркой в больнице служила, сама наркоманка, а кто отец, неведомо. Гляжу, бежит парень в джинсах исправных, в куртке красивой с меховой опушкой, на спине рюкзак недешевый. Заметил паренек меня и кричит: «Дядя Филипп, гляньте, чего мне отец Дионисий на первый день зимы подарил! Мы с ним в магазин вместе ездили, он сказал: «Выбирай, Гена, что захочется, куплю с удовольствием, но с одним условием: ты заканчиваешь полугодие без троек. Я теперь все уроки учить буду!»

Ветров улыбнулся.

– Это вам не милосердная помощь, когда дают то, что прихожане пожертвовали. Священник часто бедным детям новое приобретал, причем учитывал их вкус. Вот спроси меня, Шерлок Холмс, кем Генка, сын наркоманки стал, когда вырос?

– Кем? – повторил я.

Старик поднял вверх указательный палец:

– Математик он, в Америке, в университете преподает. На похороны отца Дионисия из США прилетал. Думаешь, он один такой? Многих батюшка на путь истинный наставил. А уж набожный был! Глянь в окошко. Вон там его спальня, отсюда хорошо видно. Свое окно настоятель не занавешивал никогда. Я порой ночью встану по нужде, смотрю, а у батюшки свет горит. Пригляжусь – он перед иконами стоит. Вот так-то. Нет, если кто ему и зла желал, то не у нас. Не трать тут время зря, ищи в другом месте.

– В каком? – уточнил я.

Филипп Петрович откашлялся.

– То мне неведомо. Знаю лишь, что в Бойске у него не то что врагов, даже недоброжелателей не было. Может, как только приехал, он у бабок недоверие вызвал, но тех старух давно уж в живых нет. И вообще из старых жителей, кто еще отца Владимира помнит, ноне землю топчем только я, Лиза Брякина да Марфа Горкина. С Брякиной тебе не поговорить, она после исчезновения сына онемела, а Марфа больной прикидывается. Все остальные тридцать лет тому назад детьми были, не знают ничего или приехали сюда, когда Бойск уже стал в город превращаться. Молодого отца Дионисия только мы трое помним. Когда он тут появился, мне сороковник стукнул. Я его первым увидел. Даже число помню, когда встреча наша состоялась, – двадцать девятое ноября, день ангела моего родного брата Макара. Пошел я к матушке Ирине, хотел у нее меду попросить, гляжу, а на кухне батюшка незнакомый стоит – скуфейка как-то странно на голове держится, того и гляди свалится, худой очень, дрожит. Борода, правда, знатная, окладистая. Держит он сверток с младенцем неумело так, словно никогда до этого малыша в руки не брал, а новорожденный криком исходит. Я с ним даже поздороваться не успел. Тут матушка Ирина из комнат вышла, младенца взяла, мне сказала: «Ступай, Филипп, не до тебя сейчас»...

Рассказ деда прервал громкий звук на улице.

– Катя, глянь, кто там, – попросил Филипп Петрович.

Сидорова ушла. Старик посмотрел мне прямо в глаза.

– Ну, понял, кто такой отец Дионисий был?

– Да, – кивнул я, – хороший человек и прекрасный священник.

Ветров пригладил волосы.

– Один только грешок у него имелся – курил раньше. По первости видел я отца Дионисия с сигаретой. По улице священник с ней, конечно, не ходил, у сарая дымил, втихомолку.

Дед рассмеялся.

– Да у матушки Ирины не забалуешь, она молодого батюшку сразу в оборот взяла. Другая кровная родительница так за сыном не смотрит, как она за тем, кто отца Владимира сменил, глядела. И правда, негоже церковнослужителю дымоглостством баловаться. Он же не я!

Филипп Петрович вытащил из кармана кiset, взял со стола коробку, достал из нее лист папиросной бумаги, насыпал на него табак, свернул сигарку и с наслаждением затянулся.

– Чуешь аромат, Шерлок Холмс?

– Очень приятно пахнет, – совершенно честно ответил я.

– Табака там нет, трава только, мною выращенная исключительно для обмана организма.

Дед помолчал немного и снова заговорил:

– Внук мой ни при чем, он в день смерти священника вечер и ночь на сцене пел, его весь ресторан видел. И еще одно: в тот самый вечер куртку заметную, про которую Катя говорила, Пашка не надевал, дома она осталась. Спросишь почему? Сейчас объясню. Накануне внучок отправился на работу в белой рубашке. До этого всегда в темном свитере ходил, а тут управляющий предупредил: ресторан сняла фирма, устроитель велел всей службе только в белом быть. Вернулся Пашка расстроенный – испорчена сорочка, подкладка у кожаной куртки, как оказалось, линяет, чего на пуловере заметно не было. Чуть не рыдал внук. Тогда я взял его куртку, вывернул наизнанку, протер изнутри бензином, повесил во дворе под навесом на бельевой веревке и объяснил: «Три дня пусть висит. Если раньше натянешь, опять испачкаешься. А по истечении времени носи смело». Так что Катя не Пашу приметила. Да не одна такая куртка на свете, наверняка у кого-то еще из мужиков имеется, Бойск теперь большой город. Небось вы мне не верите, думаете, дед внучка защищает? Дам вам телефон управляющего рестораном, он алиби Пашки подтвердит. Кто там гудел, Катя?

– Москвичи какие-то, – пояснила Сидорова, только что вошедшая в комнату, – заблудились они.

– Советское с Советской перепутали? – хмыкнул хозяин.

– Дядя Фил, у нас кран на кухне сломался, – послышался из прихожей женский голос.

В комнату вошла высокая худая женщина в голубой куртке. Увидев нас с Екатериной, она смутилась.

– Простите, не знала, что у вас гости. Добрый день всем, кого не видела. С тобой, Катя, мы сегодня утром разговаривали.

– Ну не грех, Лена, и еще раз поздороваться, – улыбнулась моя клиентка.

Вошедшая покосилась на меня, я поклонился.

– Рад встрече.

– Куртку-то скинь, – пробурчал хозяин. – Чего в верхней одежде в дом влетела?

– Так я на секунду всего, – начала оправдываться гостья, снимая пуховик.

– Ой, Лена, глянь, ты пуловер испачкала... – всплеснула руками Катя. – Вот жалость! И на рукавах, и на спине бордовые пятна, как от варенья.

– Ну и фиг с ними, одежда домашняя, не в гости в ней ходить, – беспечно отмахнулась Елена. – Дядя Фил, вы уж зайдите к нам поскорей, а?

– Через десять минут буду, – пообещал дед.

– Эй, есть кто живой? – закричал с улицы голос. – Где тут Советское? Выйдите на секунду, найти не можем.

– Во! Уже вторые за пять минут, – ухмыльнулся Ветров.

– Ой, надоели! – рассердилась Лена. – И раньше эти Советские путали, и теперь так же. Голова у начальников есть? Не могли чего другое придумать?

Глава 11

– Филипп Петрович сказал: «Советское с Советской перепутали». Это что, какая-то местная шутка? – удивился я, когда мы вышли на улицу.

Екатерина улыбнулась.

– Бойск на моих глазах рос. Город поглощал соседние деревеньки и сначала «съел» те, что на берегу реки Тараканки стояли, потом за старое шоссе пополз. Раньше на дороге, которая из села Вершинино вела, дом призраков огибала, был перекресток. Если направо свернуть, попадали в поселок Советское, а ежели налево, то в деревню Советская. Вот кто так близлежащие населенные пункты назвать ухитрился? Из-за пары букв все путались. Почтальон вечно не туда почту таскал, и «Скорая» с пожарными частенько вместо поселка Советское в деревню Советская рулили. К тому же там и там главная улица носила имя Ленина. Представляете, какая неразбериха творилась? Советское, в смысле поселок, и деревня Советская давно с Бойском слились, улицы Ленина переименовали. Угадайте, что получилось?

Я засмеялся.

– Обе стали Советскими?

Катя усмехнулась:

– Почти в точку. Теперь там микрорайон Советский и квартал Советское. Вроде в девяностом году, когда еще коммунисты сильны были, эти названия дали. И опять народ мается. Даже местные иногда путают, а уж посторонние так и вовсе мучаются. Советское, вон оно, рукой подать отсюда, дорога к нему по правому берегу Тараканки ведет. А Советский на другом конце Бойска, микрорайон на левом берегу речки. Попьете у меня чаю на дорожку?

– С удовольствием, – согласился я. – Но сначала хочется побеседовать с Марфой Горкиной. Может, она про каких недругов отца Дионисия вспомнит? А с Елизаветой Брякиной пообщаться точно не выйдет?

– Не стоит рассчитывать, что Лиза хоть слово вымолвит, – вздохнула Екатерина. – Даже в дом не пустит. А Марфа... Тут все зависит от того, в каком она настроении окажется. Иногда любезней ее нет на свете человека, но порой она на злую собаку похожа. Я понимаю, каково ей в жизни пришлось, а вот остальные ругаются с ней. Видите ярко-голубой домик? Марфа с Леной там живут. Но давайте сначала я вас покормлю, наверное, вы есть хотите. Марфа от вас не убежит. К тому же бабулька, чем ближе к ночи, тем благоднее делается. Филипп Петрович считает, что старшая Горкина больной прикидывается, чтоб дочка от нее не отходила. Ну, не знаю, может, действительно так. Крестный любит Елену как родную дочь, дяде Филу обидно, что она в клубе в кабинете сидит, на старой машинке печатает, а не в оперном театре выступает. У нее и правда талант к пению огромный, голос великолепный.

Мирно беседуя, мы вошли в избу Екатерины. Хозяйка ввела меня в большую комнату, и я ахнул.

– Вот это библиотека!

– Надо было дом священника освободить для нового батюшки, – вздохнула Катя, – и я папины книги к себе забрала. Отец сделал большое общедоступное книгохранилище, а после его смерти библиотекарь ко мне подошла и попросила личное собрание батюшки тоже туда передать. Но мне, честно говоря, жалко. Папа всю жизнь собирал книги, в Москву в магазины ездил, из всех паломнических поездок тома тащил. Читал много, пометки делал. И еще тут есть книги, которые ранее принадлежали отцу Владимиру. Матушка Ирина их папе подарила. Хотите, посмотрите библиотеку, пока я поесть соберу?

Я обрадовался.

– С огромным удовольствием. Вы видите перед собой самозабвенного книгочея.

– Вы бы с папой нашли общий язык, – улыбнулась Сидорова и ушла.

Я подошел к стеллажам, стал изучать книги и минут через десять удивился. Создавалось впечатление, что библиотеку составлял глубоко верующий человек, который то ли приобрел у букинистов, то ли получил в наследство от родителей духовную литературу. На правом стеллаже стояли тома в старых кожаных переплетах, многие из них были выпущены в девятнадцатом столетии. Здесь были жития святых, произведения богословов, литература по истории, философии. Чуть ниже теснились издания начала прошлого века, в основном двадцатых годов. А вот в шкафу, который стоял слева, был другой набор – «Православие для начинающих», «Библия для детей», «Катехизис», «Как вести себя в храме» и тому подобное.

Я с недоумением взирал на эти книги. Иосиф Сталин, учившийся в духовной семинарии, не особо любил священников, коммунисты отвергали религию, разрушали храмы, в СССР практически перестали выпускать духовную литературу. Поэтому отсутствие в собрании отца Владимира изданий тридцатых-сороковых-пятидесятых годов вполне объяснимо. Правда одну книгу, на которой стояла дата «1951», я все же обнаружил. В ней рассказывалось о том, как священники воевали против фашистов. А вот изданий шестидесятых нет вообще. Хрущев ненавидел, как он говорил, «толстобрюхих попов», при Никите Сергеевиче монастыри и церкви закрывались все подряд. Пришедший ему на смену Брежнев оказался более лоялен, поэтому в правление Леонида Ильича верующие получили возможность покупать то, что можно назвать духовной пищей. Книги, которые сейчас стояли передо мной, были выпущены в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, в царствование этого генсека.

– Катя, – крикнул я, – когда ваш папенька получил приход в Бойске?

– Когда я родилась, – ответила из кухни хозяйка, – в восемьдесят шестом.

Я взял «Библию для детей» и начал ее перелистывать. Значит, в восемьдесят первом в храме еще служил отец Владимир, который любил труды историков и философов. Дочерей-сыновей, а значит, и внуков у священника не было. Зачем ему «Библия для детей»? Хотя, может, этот и другие подобные тома предназначались для воскресной школы?

Я подошел к проему, за которым начиналась зона кухни.

– Катя, Филипп Петрович сказал, что отец Владимир последние годы перед смертью сильно болел. Это так?

Хозяйка накрыла заварочный чайник тряпичной куклой.

– Сама-то я с ним никогда не виделась, но матушка Ирина рассказывала, что ее муж очень плохо ходил, ноги подкашивались. Так вот что она придумала – одеяние священника широкое, под него легко ходунки прятались, никто из прихожан и не догадывался, что батюшка с их помощью передвигается.

– А воскресной школой матушка занималась? – уточнил я. – Наверное, и книги для нее покупала?

Катерина внесла в гостиную поднос.

– Матушка Ирина любила прошлое вспоминать, я обожала ее рассказы. Вечером она мне всегда жития святых перед сном читала, я выслушаю ее, а потом прошу: «Маменька, а теперь расскажите, как вы с батюшкой жили». Поэтому я многое о прошлом знаю. Пока отец Владимир крепок здоровьем был, он очень много служил, по деревням ездил, избы святил. Люди священника благодарили кто как мог: продуктами, деньгами. Батюшка все на храм отдавал, харчи в трапезную, рубли на разные нужды. Но были люди, которые лично священнику подарки делали: книги приносили. Неподалеку от Бойска жил один академик, он с отцом Владимиром дружил, постоянно библиотеку священника пополнял. И для воскресной школы много изданий дарил. Потом он умер, и с той поры библиотеки отца Владимира и школы не расширялись.

Я показал «Библию для детей», которую держал в руках.

– Томик выпущен в восемьдесят первом, я удивился, увидев его. Сначала подумал, что он для школы, но вы говорите, будто после смерти соседа-академика в доме священника новая литература не появлялась.

– Академик умер в семьдесят девятом, – уточнила Катя, – и то, что предназначалось для школы, батюшка Владимир домой не носил, библиотеки он не путал.

Я поставил на место «Библию для детей» и вытащил «Православие для начинающих».

– Наверное, эту книгу приобрела для вас матушка Ирина. Том выпущен в восемьдесят первом, но продавать его в магазине могли и в девяностых годах. О, да тут есть надпись. «Любезный мой! Все в руках Господа нашего, милостивого и человеколюбивого. Он привел тебя в свою Скинию, значит, даст сил и для исполнения своей воли. Не впадай в уныние. «Воззовет ко Мне, и услышу его, с ним есмь в скорби». 90 псалом. «Мужайся и да крепится сердце твое...» 26 псалом. Зима 1986 г.» Какой красивый почерк!

– Матушка Ирина писала, – пояснила Екатерина. – Я никогда не брала в руки эту книгу и не знала, что тут ее автограф есть.

– Не знаете, кому эти слова адресованы? – спросил я.

– Какому-то мужчине, – пожала плечами дочь отца Дионисия. – Может, она приговорила ее в подарок или в утешение и почему-то не отдала? Я в книгах отца никогда не рылась. Матушка их берегла, не разрешала трогать. Вот папеньке моему не возбранялось любой том брать. А я пользовалась тем, что отец купил. Вон на полках напротив окон то, что он покупал.

Я повернулся к книгам, начал их изучать и опять удивился:

– Тут, однако, немало томов о музыке, биографии великих певцов.

Екатерина взяла чайник.

– Садитесь, Иван Павлович. Чем богаты, тем и рады. Попробуйте пирог с вареньем, сама пекла. Детям очень нравится. У отца еще фонотека была, вон там, в секретере хранится.

– Можно взглянуть? – спросил я.

– Конечно, – кивнула хозяйка.

Я приблизился к бюро, откинул верхнюю крышку и не удержал возглас восторга.

– Проигрыватель «Ригонда» в тумбе! Я мечтал о таком, но не нашел. И виниловые пластинки!

– У отца был замечательный голос, он очень любил музыку, – пояснила хозяйка.

Я перелистал конверты и опять изумился.

– Здесь не только классика. «Битлз», «Роллинг Стоунз»...

– Папа не презирал легкий жанр, говорил: «Когда-то и вальсы Штрауса считали неприличными». Вот послушайте...

Катя встала и включила магнитофон, стоявший в углу на тумбочке. Комнату заполнил богато окрашенный лирический тенор: «Свете тихий, свете ясный...»

Я замер и простоял не шевелясь до конца песнопения.

– Ну как? – спросила Катя, когда наступила тишина.

– Чарующий голос, – пробормотал я. – Кто исполнитель?

– Мой папа, – улыбнулась Екатерина.

Я вернулся к столу.

– Ему следовало учиться на оперного певца. Странно, что родители не обратили внимания на талант сына.

– Да, – согласилась Екатерина. – Знаете, папа никогда не рассказывал о своем детстве, один лишь раз обмолвился, что рос сиротой. Наверное, имел в виду, что те, кто его воспитывал, были не ласковы. Он еще и двигался прекрасно. Представляете...

Голос Кати опустился до шепота:

– Папа организовал в Бойске танцевальный кружок, и занятия там вел профессиональный педагог. Чтобы привлечь детей, там разучивали все современное. Один раз отец пришел на репетицию и сделал замечание одному подростку, мол, тот не так движение делает. А на занятии осваивали рок-н-ролл. Парень в ответ схамил, дескать, вы-то ничего, кроме вальса, танцевать не умеете. Папа сходил домой, вернулся в брюках и свитере, вышел на середину

зала, пригласил одну из девочек и как начал рок-н-ролл отплясывать... У всех челюсти отвалились! Мальчик-грубиян прямо онемел. Отец ему потом сказал: «Я никогда не учу тому, чего не знаю. Сам до того как в семинарию поступить, научился петь, освоил азы танцевальной науки. Мышечную память никто не отменял, тело мое уроки, пройденные в юности, помнит. Вот поэтому я всегда молодежи говорю: овладевайте знаниями. Сейчас вам кажется, что они никогда не понадобятся, но никто, кроме Господа, не ведает, что с вами через двадцать лет будет. Может, умение танцевать вас от голода спасет». Значит, отец все же занимался какое-то время вокалом, балетом. Но это, пожалуй, все, что я знаю о его жизни до принятия сана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.